

Владимир Свинцов

**МОЙ ДРУГ
СЕНЬКА**

РАССКАЗЫ

БАРНАУЛ

2008

ББК 84 (2 РОС- РУС) 6-4
С 248

Мой юный друг!

В этой книге собраны рассказы о животных, о «братьях наших меньших». Без них, без общения с ними человеку невозможно жить. И нужно беречь их. Когда ты подрастешь, это будет твоей задачей. А пока посмотри, какие они замечательные, добрые и красивые...

Свинцов В. Б.

С 248 Мой друг Сенька: Рассказы. - Барнаул:
Алтайский Дом Печати, 2008. - 80 с.

ББК 84 (2 РОС- РУС) 6-4
С 248

© Свинцов В. Б., 2008

МОЙ ДРУГ СЕНЬКА

Усыновление

Щенок лежал в траве у забора и отчаянно скулил. Был он еще совсем маленьким, слепым и беспомощным и возбуждал такую жалость, что мы с сыном Игорем, не колеблясь ни минуты, понесли его домой. Коричневая короткая шерстка, очевидно, грела еще плохо, и щенок сильно дрожал. Но на руках быстро пригрелся, засопел крошечным носом и затих.

Дома Игорь соорудил щенку ужин - подогрел молока, налил в блюдце. Но он еще не мог самостоятельно есть. Слабые лапки плохо держали, и щенок ползал на брюхе возле блюдца, тыкался незрячей мордашкой в пол и плакал:

- Ой-ой! Ой-о-ой! - Выходило это у него так тонко, так слезно, что даже кошка оставила своих котят на коврик у печки и с любопытством уставилась на плаксу. Потом стала осторожно красться к нему, усиленно нюхая воздух.

- Это еще что за чудо? - говорил весь ее вид. - И чего он так пищит?

И вдруг грозно выгнула спину, встопорщила шерсть, зашипела, но, сообразив, что в щенке и собачьего-то всего один запах, брезгливо фыркнула:

- Фу! Не собака, а так себе... - и принялась лакать из блюдца молоко, которое мы налили щенку. Делала она это не спеша, аккуратно, с достоинством.

Щенок на мгновение замер, прислушиваясь. Потом пополз к кошке, отчаянно взвизгивая:

- Ой-ой-ой-ой!

Кошка, перестав есть, вновь встопорщила шерсть и зашипела сердито:

- Пш-ш! Не подходи!

Щенок продолжал ползти. Кошка подняла лапу для удара, но передумала и поспешила к себе на коврик, всем своим видом показывая:

- А, неохота связываться...

Она улеглась на своем месте, и котята кинулись к ней, подняв радостный писк. Щенок пополз на этот звук. Он перестал скулить и двигался медленно, неслышно. Кошка, не чуя опасности, дремотно закрыла глаза и замурлыкала:

- Мур-мур. Ешьте, детки, молоко...

Котята и так старались изо всех сил.

Щенок подполз ближе. Вот он уже совсем рядом. Замер на мгновение, очевидно, поточнее определяя направление, и ткнулся в кошачий бок. Кошка открыла глаза и вскочила, как подкинутая пружиной. Котята недовольно запищали:

- Где мама? Где мама?

Щенок молчал.

Кошка обнюхала его, грозно подняла лапу. Щенок лежал неподвижно, словно забытая детьми игрушка. Но кошка не спускала с него настороженных глаз:

- Это еще что такое?! Что ему здесь нужно?

Щенок молчал и не шевелился. Зато котята полезли к матери, требуя молока. Кошка неохотно улеглась. Котята радостно затеребили ее. Чуть двинулся и щенок. Кошка хотела было подняться, но котята не дали. Щенок еще подвинулся. Кошка предупредительно зашипела:

- Пш-шел! Куда? Ну-ка назад! - Но щенок уже нашел свободный сосок и припал к нему. Кошка, повернув голову, брезгливо обнюхала его, фыркнула и, наконец, стала осторожно, чтобы не потревожить котят, слизывать со шкурки щенка ненавистный ей собачий запах.

Так щенок, которого Игорь потом назвал Сенькой, обрел мать, а наша - кошка приемного сына.

Сенька растет

Сенькин день начинается рано. Только солнышко заглянет в окошко, Сенька просыпается, потягивается, зевает и, вдруг что-то вспомнив, стремительно выкатывается на кухню. Останавливается в раздумье: что раньше сделать? Поколебавшись мгновение, мчится к входной двери. Если она открыта - переваливается через порог, выбегает на крыльцо. А если дверь закрыта, то еще лучше, далеко не бегать. Он тут же присаживается и с самым невинным видом делает лужу. Потом, очень довольный, отправляется искать еду. Бывает, он находит ее сразу и наедается так, что живот раздувается, как мячик. Тогда Сенька довольно кряхтит и, еле передвигая лапы, тащит туго набитый живот на коврик. Бесцеремонно расталкивает еще спящих котят, своих молочных братьев и сестер, укладывается посередине и засыпает.

Через час-полтора Сенька просыпается. Потягивается. Зевает. Вскакивает. Катится к входной двери. И все повторяется - опять лужа, опять поиски пищи... Иногда поиски пищи затягиваются. Тогда Сенька начинает нервничать. Он катится в одну комнату, в другую... И, наконец сообразив, что так можно остаться голодным, поднимает отчаянный крик:

- Ай-яй-яй-яй! - кричит он. - Не дают мне есть. Ай-яй-яй! Умираю с голода. Умира-а-а-ю-ю...

На его крик спешит кошка. Она готова броситься на любого, кто посмеет обидеть ее приемыша. Выяснив причину шума, ложится и кормит Сеньку своим молоком. На несколько минут становится тихо. Но кошачьего молока Сеньке явно не хватает. Он только раздражил аппетит.

- Ай-яй-яй-яй! - еще горше плачет Сенька. - Совсем умираю-ю!

Кошка лижет его, успокаивает, но Сеньке сейчас не до нежностей.

- Ай-яй-яй! Ой-ей-ей! Умираю-ю-ю-ю-ю!

Кошка начинает волноваться, тщательно обнюхивает Сеньку и, видимо, убедившись в близости голодной смерти своего любимца, тоже начинает кричать:

- Мяу! Мяу! Накормите же его! Мяу! Мяу! Он уже почти не дышит! Мяу!

Котята сбегаются на крик матери, сначала таращат глаза, а затем нет-нет да и вставят свои тоненькие голоса:

- Мя! Мя! Умирает Сенька! Умирает братец!

Воодушевленный поддержкой родни, Сенька начинает выть:

- У-у-у-у-у! У-у-умираю-ю-ю-ю-у-у-у!

Получается отличный концерт:

- Ай-яй! Мяу-у-у-у! У-у-у-у! Мя! Мя! Ой-ей!

Первым не выдерживает Игорь - достает банку с молоком. Сразу же наступает тишина. Сенька настораживается и катится к тарелке. А шустрые котята уже здесь. Но ведь умирает с голода только один Сенька?! Поэтому он расталкивает их и принимается торопливо лакать. От жадности захлебывается, кашляет, но не останавливается, пока тарелка не приобретает первоначальный блеск. Покончив с едой, Сенька блаженно жмурит глаза, облизывается и ползет на свое место. Укладывается удобнее и закрывает глаза.

Теперь можно покормить и котят. Но только раздается звук льющегося молока, как Сенька уже тут как тут. Отталкивает котят от тарелки и снова принимается лакать. Остановится, отдохнет и опять...

Закрываем обжору в другой комнате. Котята едят медленно, нехотя, видно, что не голодны, и часто поднимают головы, прислушиваясь к истошным Сенькиным воплям за дверью:

- Ой-ей-ей! Ой-ей-ей-ей! - орет он. - Обманули! Не накормили! Ой! Ой-ей-ей-ей! Умираю!

Ел Сенька так много, что мы часто беспокоились за его желудок. И беспокоились напрасно. Сенька рос быстро, хотя и был очень толстым.

Игорь души в нем не чаял. Да и я, признаться, тоже.

Ну и шутки!

Я заехал домой пообедать. Оставил машину у ворот и вошел во двор. Игорь и несколько соседских мальчишек играли с Сенькой. Они таскали его на руках, как куклу, как какой-то неодушевленный предмет, клали на спину, а тот только тарашил глаза, кряхтел и никак не мог перевернуться на живот. Уж очень был толстый. Я прикрикнул на мальчишек:

- Неужели вам не надоело его тискать?! Отпустите сейчас же! Это все-таки собака, а не кошка...

Мальчишки послушались, но попросили разрешения посидеть в машине.

- Сидите, не жалко.

Пообедав, вышел на улицу. Ни мальчишек, ни Сеньки. Умчались куда-то. Открыл дверцу. Сел. Завел мотор. И вдруг чувствую, что сижу на чем-то мокром.

Это еще что такое? Выскочил из машины. Пощупал сиденье - чехол мокрый. Брюки мои, конечно, тоже... «Это все мальчишки! Пролили что-то и вместо того, чтобы сказать, испугались и дали деру», - догадался я, щупая другие сиденья. Но с ними было все в порядке. «Погодите, вернусь с работы, разберусь...» - мысленно пригрозил я мальчишкам, переоделся и уехал.

Окончил работу, подхожу к машине, открываю дверцу - на моем сиденье лужа!

- Что за напасть?! Что за глупые шутки?! - Я был зол и растерян.

Значит, на мальчишек я грешил зря? Значит, они не виноваты? А кто же тогда? Я терялся в догадках, но за тряпку пришлось браться снова.

Подъехал к дому - сын в слезах. Еще не легче!

- Что случилось?

- Сеньку украли-и-и-и! - горько всхлипывая, тянет Игорь.

- Как украли? Когда ты его в последний раз видел?

- Ты обедать приезжал, а потом... Мы ушли на речку...

- Может быть, он на речке?..

- Мы его не бра-а-а-ли-и-и-и!..

И тут я начал догадываться:

- А не оставил ли ты Сеньку в машине?

- Когда?! Ага... Правда. Меня позвали... мы с мальчишками...

- «Позвали! Мальчишками...» - передразнил я Игоря в сердцах. - Ну-ка, посмотрим.

И точно, под передним сиденьем сладко спал Сенька, тоненько посвистывая коричневым носом.

- Теперь понятно, откуда на сиденье лужи. Но как он мог забраться на него? Ведь высоко... - удивился я.

Мы разбудили Сеньку. Он потянулся, завилял хвостом, влез между передними сиденьями, где был выступ, а уже оттуда...

- Видишь, папа, какой он умный, - восхитился Игорь.

- Ты посмотри, что твой умник делает?! Убирай его! Быстрее!

Но было поздно. На сиденье поблескивала снова лужа.

- Чтобы я больше никогда не видел этого паршивого щенка в машине. Никогда!

Тогда я считал свой приговор окончательным, не зная, что через месяц этот толстый коричневый щенок залезет в машину тайком, а вылезет полноправным хозяином. И до конца своей жизни будет моим верным спутником и другом.

Пушок

Сенька, выкормленный кошкой, сохранил привязанность и к своим молочным братьям - котяткам. Целыми днями он играл с ними, звонко лаял, и тогда котята, как по команде, выгибали дугой спины и удивленно таращили глаза:

- Как это у него получается? Как он может лаять?

Они свыклись с Сенькой и, очевидно, считали его тоже котенком.

Время шло. Котята росли. И постепенно знакомые разобрали наших питомцев. Остался один белый с желтым - Пушок. С ним Сенька особенно дружил. Они даже спали вместе. С утра и до позднего вечера Сенька и Пушок бегали друг за дружкой. Играли они всегда шумно, весело. Пушок, выбрав момент, прятался за дверь. Сенька замечал исчезновение котенка сразу же и начинал искать. В квартире не так уж много потайных уголков, и он быстро обнаруживал Пушка. Но, приблизившись, вдруг делал вид, что никак не может найти, и проходил мимо, тоненько взлаивая:

- Гав-гав! Где ты? Где ты?

Котенок молчал, притаившись. Сенька ленивой трусцой делал круг по комнате. Пушок весь подбирался, сжимался в комочек, готовясь к прыжку. И как только Сенька приближался, стремительно выскакивал из своего укрытия и, забавно фыркая, легко ударял его лапой.

- Вот я! Вот я! - и бросался наутек.

Сенька, взвизгивая от восторга - за ним. И пошла кутерьма... Звенит посуда, падают стулья, визг, лай, фыркание... и это только начало игры, а что будет дальше?..

Приходилось вмешиваться. Стоило войти в комнату, как моментально становилось тихо. Сенька и Пушок замирали на месте, озорно блестя глазами:

- Разве можно так?! - журил я их. - Всю посуду побьете. Вот погодите, придет хозяйка, она вас... Ну-ка, подойдите ко мне!

Сенька, запыхавшийся, с высунутым розовым языком подбегал, ласкаясь.

- Гав-гав! Давай с нами! - приглашал он.

Пушок подходил неохотно, недовольный тем, что игра прервалась. Но стоило мне отойти, как все начиналось сызнова. Ни Сенька, ни Пушок ни минуты не могли посидеть на месте.

Однажды Пушок увязался за Сенькой на улицу. Он уселся у ворот на бревне и с интересом наблюдал за открывшимся перед ним огромным миром. Он был так заинтересован новым, еще не виданным, что даже не обратил внимания на пробегавшего мимо Сеньку. Сеньку это удивило страшно. Он тут же вернулся, припал грудью к земле и залаял призывно:

- Гав-гав! Давай играть?!

Пушок даже ухом не повел. Сенька долго лаял то игриво, то сердито - ничего не помогало. Тогда он ухватил котенка за пушистый хвост и потащил с бревна. Но Пушок крепко зацепился за бревно своими острыми когтями, вздыбил шерсть и закричал:

- Мяу! Отпусти сейчас же!

Никогда Пушок не кричал на своего друга так сердито и громко.

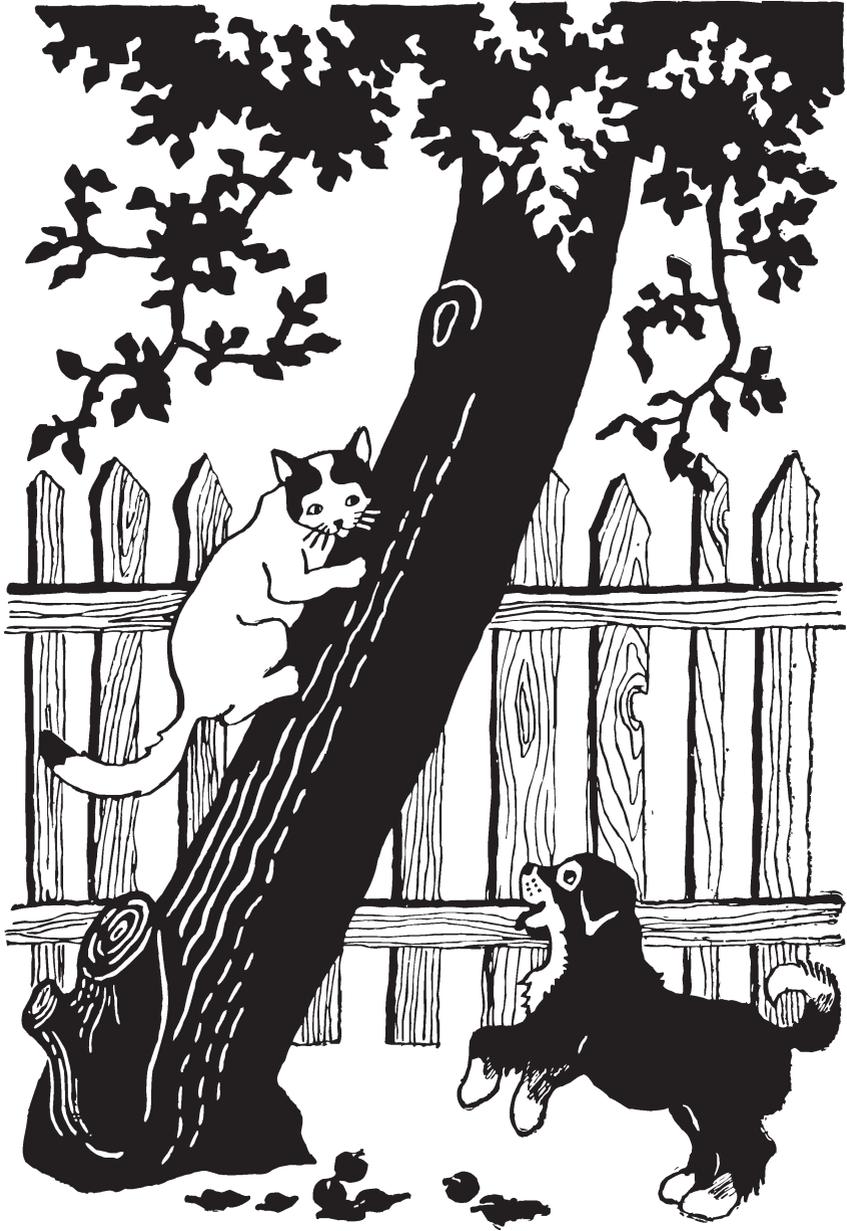
И Сенька уступил. Он отошел в сторонку, присел и посмотрел на Пушка удивленно и растерянно, потом заскочил на бревно, схватил его за шиворот, как носит котят кошка-мать, и потащил во двор.

После этого случая Пушок старался улизнуть на улицу, но Сенька был настороже. Только котенок высовывал свой нос за ворота, как Сенька хватал его и тащил обратно. И для Пушка, и для Сеньки это превратилось в своеобразную игру.

Как-то раз мы взяли Сеньку с собой на рыбалку с ночевкой, а когда вернулись - узнали, что Пушок пропал. Наша соседка видела его через три дома у магазина. Скорее всего, он пошел разыскивать своего друга Сеньку и заблудился.

А может быть, его украли? Мы очень переживали исчезновение котенка. А Сенька особенно. Он сбился с ног в поисках своего друга. Перестал есть и даже на свою любимую ливерную колбасу смотрел с отвращением.

Я гладил Сеньку, называл ласковыми именами, но он лежал недвижимо и только чуть-чуть шевелил хвостом. Глаза у него были грустные-прегрустные. Мы вызвали врача, и он, узнав причину болезни, сказал строго:

- Тоскует собака. Найдите ему друга. Без друга даже собаки чувствуют себя очень плохо.

Сенька учится рычать

После исчезновения Пушка Сенька долго болел и, даже когда выздоровел, ходил по двору печальный, уныло опустив хвост. Он уже здорово подрос и превратился в потешного маленького пса. Коричневая шерсть его была очень густа, поэтому не свисала, как у большинства собак, а, словно плюш, равномерно покрывала все тело. Он был весь коричневый, от носа до хвоста. Коричневыми были и глаза, и даже пуговка носа. Он не был породистым. Но если бы проводились выставки дворняжек, как проводятся выставки служебных, охотничьих и декоративных собак, я уверен, что жюри обязательно присудило бы Сеньке какую-нибудь медаль или на крайний случай диплом. Ростом всего тридцать сантиметров, он и не обещал вырасти больше. И до того был похож на магазинного плюшевого медвежонка, что все мальчишки и девчонки нашей улицы звали его Мишкой, брали на руки и таскались с ним, как с игрушкой. Я не препятствовал, надеясь, что хоть это разгонит его печаль о потерянном друге. Сенька рос незлобным, ласковым. Я ни разу не слышал, чтобы он злился или рычал. Можно было подумать, что у него нет голоса. Но ведь он скулил по ночам, в играх с Пушкой даже лаял... Правда, когда ему здорово досаждали девчонки пеленками, он еще и кряхтел смешно так:

- Ух! Ух! Ух!

Ходил он медленно, вперевалочку, бегал же только тогда, когда пытался скрыться от изрядно надоевшей ему

ребятни. Но ребятня ловила его, пихала в пасть всякие лакомства и тащила играть. Избавиться от нее не было никакой возможности. Тогда Сенька стал прятаться в соседнем огороде. Ребята хоть и видели его, но достать не могли, опасаясь сердитой хозяйки. Хозяйка, крикливая, злая женщина, мирилась с Сенькой, очевидно, потому, что тот ходил только по тропочкам, не наступая на грядки, и пока не давал повода к ссоре. Но этот мир продолжался недолго.

У соседки водились куры, которых она выпускала в огород только поздней осенью, когда все с грядок было убрано. Поэтому Сенька ни видеть, ни знать их не мог.

И вот однажды (по какой причине?) куры, целых шесть штук, под предводительством горластого черно-красного петуха прорвались в огород и кинулись на поспевающие помидоры. Единственным свидетелем этого разбоя был Сенька - он дремал на тропке между грядок. Вдруг перед ним возникло что-то большое, яркое, с громким голосом, на звук которого прибежало еще шесть незнакомцев, только белых.

- Кто, кто-кто такой? - грозно прокричал черно-красный и, распустив крылья, придвинулся к Сеньке вплотную.

Сенька испуганно вскочил и, наверное, хотел ответить на вопрос, но черно-красный, не дожидаясь ответа, пребольно клюнул щенка в нос. Тот отчаянно взвизгнул и бросился к спасительной дыре в заборе. Но то ли с испугу, то ли от боли проскочил мимо и заметался в углу, тщетно ища спасения. Поведение Сеньки и внимание кур придало петуху смелости. Он оглушительно захлопал крыльями и звонко прокричал:

- Ку-ка-реку-у-у! Бей его! - и бросился в атаку.

От второго удара Сенька увернулся, но третий пришелся по спине. В отчаянии щенок попытался проскочить у

своего преследователя между ног, но, не рассчитав... столкнулся с петухом.

- Ко-о! - испуганно ахнули куры.

- Кудах! - заорал петух.

Куры шарахнулись в сторону, и бедный щенок очутился между двух огней. Петух уже оправился от испуга и вновь распустил крылья, стараясь достать Сеньку клювом. Выхода не было. Сенька сжался в комочек, припал к земле и предостерегающе зарычал:

- Гр-рр! Не трогай!

Но, уверенный в себе, петух не придал этому значения. Тогда Сенька отважно бросился на него и вцепился в разноцветные перья. Петух рванулся в сторону, таща на себе щенка.

- Кудах! Кудах! Кудах! Убивают! Спасите! - вопил он, мчась по грядкам и сшибая помидоры.

Сенька не удержался, отцепился и покатился по земле, но тут же вскочил и, выплевывая перья, бросился вдогонку. Куры подняли ужасный крик.

- Кудах! Кудах! Кудах! Убивают! Убивают! Убивают!

Петух дико вскрикивал на бегу:

- Ку! Ку! Да-а-ах! Разбой!

Сенька азартно лаял:

- Гав-гав-гав! Лови его! Держи его!

На этот невообразимый шум выскочила соседка и быстро положила конец сражению. Суматошно галдящие куры и перепуганный до смерти петух были водворены в курятник, в Сеньку полетела палка, от которой он благополучно увернулся и, не дожидаясь повторного броска, нырнул в дыру забора.

Разъяренная соседка прибежала ко мне жаловаться. Но Сенька своевременно запрятался под крыльцо и благоразумно молчал.

После этого случая Сенька не переставал лазать в соседний огород, но стоило во дворе появиться хозяйке, как он начинал рычать. А кур с той поры так просто терпеть не мог и, как только видел их, сразу же бросался в атаку.

На озере

Мы собирались с Игорем на рыбалку. Укладывали в машину палатку, лодки, удочки... Сенька крутился возле нас и то и дело залазил в машину, откуда я его быстро и не слишком вежливо выпроваживал.

- Пап, возьмем Сеньку, - несмело заикнулся Игорь.

- Что-о-о?! - возмутился я. - Чтобы он делал в машине лужи?! Нет! - Слишком свежа была память о той злой шутке, что сыграл со мной этот неправдоподобно толстый щенок. - Я же сказал, никогда он не будет в машине. Никогда! Поехали.

Выехали за город. Свернули на проселочную дорогу. К нашему несчастью после недавних дождей по ней прошли трактора и наворочали таких колдобин, что пришлось ехать медленно. И все равно трясло сильно. Мы измучились, пока наконец не повернули к озеру по гладкой луговой дорожке.

Солнце клонилось по чистому небосводу. Высоко над нами летали ласточки. На мели плавилась рыба. Все предвещало на завтра хорошую погоду. Отсюда и настроение у нас приподнятое. Хотелось быстрее закинуть удочку, увидеть качающийся на воде поплавок... Я полез в машину за лодками и замер, пораженный. Из-под переднего сиденья торчал рыжий пушистый хвост.

- Это еще что за чудо? - изумился я.

- Сенька! - обрадованно закричал Игорь, но рыжий хвост даже не шелохнулся.

«Притаился. Ну и хитер!» - усмехнулся я и позвал:

- Сенька, вылезь!

Никакой реакции. «Может, он уже не живой? - мелькнула беспокойная мысль. - Вон как трясло...» Я потянул осторожно за хвост.

Нет, Сенька был живой и здоровый. Но он никак не хотел вылезать из своего укрытия и отчаянно цеплялся за коврик всеми четырьмя лапами. А когда Игорь все-таки вытащил его, воспользовался первой же возможностью и забился под сиденье снова.

- Ну и пусть! - рассердился я. - Надоест, сам вылезет.

Мы спешно поставили палатку, накачали лодки и выплыли на свои рыбацкие места в ожидании вечернего клева.

Тишина стояла над озером. Только чуть слышно звенели комары да попискивала какая-то птичка, устраиваясь на ночлег. И в этой тишине вдруг раздался звук, словно кто-то непрерывно дул в тонюсенькую трубу:

- У-у-у! - выл Сенька. - У-у-у-у! Все бросили меня, покинули-и-и-и! У-у-у-у!

Выходило это у него так жалобно, что я не выдержал и погреб к берегу. Услыхав плеск весел, Сенька перестал выть и кинулся мне навстречу, звонко влаивая:

- Гав! Гав! Кто такой? Нельзя сюда! Гав-гав!

- Сенька, ты что, не узнал меня? Сенька!

Он подбежал к берегу, завизжал от радости и, не оттаиваясь, бросился в воду. Он, наверное, посчитал ее продолжением берега. Но тут же окунулся с головой, вынырнул, беспорядочно забил передними лапами. Я

подхватил его, втащил в лодку и рассмеялся. Передо мной был обыкновенный щенок. Густая шерсть намокла, прилегла к телу, и вся его неправдоподобная толщина исчезла.

Утром, еще затемно, мы с Игорем уплыли, оставив Сеньку сторожить палатку. Рыба клевала отменно. И мы не заметили, как пролетело время. Солнце уже поднялось над горизонтом и стало ощутимо припекать, как вдруг от палатки донесся Сенькин лай:

- Гргав! Гргав! Не подходи! Нельзя! Гав-гав! Хозяин, помогай!

Лай был таким сердитым, что, не раздумывая, я поплыл к берегу. Следом за мной торопился Игорь. Подплыв ближе, мы увидели колхозное стадо, бредущее нехотя по берегу, и здоровенного бугая с кольцом в носу, который, подхлестывая сам себя по бокам хвостом, рыл землю копытом, бросал комья себе на спину и готовился напасть на нашу яркую палатку. Бугай уже наклонил голову, нацелился рогом, но ему мешал Сенька. Он прыгал перед самой мордой, дразнил своим рыжим цветом и отчаянно лаял:

- Гргав! Гргав! Не подходи, а то я сейчас...

- Ур-у-у-у! - грозно заревел бугай. - Уйди с дороги!

Но Сенька не отступал, и тогда бугай решил для начала разделаться с ним. Он нагнул голову, чуть не касаясь мордой травы, и бросился на рыжий комок. Но Сенька вовремя отскочил в сторону. Бугай тряхнул головой и остановился, медленно разворачиваясь. Рыжий комок опять прыгал перед самым носом.

- Ур-у-у-у! - взревел взбешенный такой наглостью бугай и рванулся вперед.

И опять мимо. Сенька опять успел отскочить. Бугай запыхтел, боднул рогом воздух и бросился в погоню. Сенька забежал за почерневшую копну прошлогоднего сена и звонко залаял:

- Гав! Гав! Не поймаешь, не поймаешь...

- Фу-у-ух! - выдохнул бугай перед броском и ударил рогом... в копну сена. Он, наверное, посчитал, что наконец-то достал наглеца, и давай топтать, бить... Сено полетело во все стороны. Слежавшаяся пыль облаком поднялась в воздух. Бугай свирепствовал. Он ревел торжествуяще и бил, бил, бил...

Сенька забежал сзади, хотел поймать мотающуюся кисточку хвоста бугая, но передумал и негромко тьякнул:

- Гав! Ума-то у него, что спереди, что сзади - одинаково. - Отошел к одинокой березке, оглянулся на бугая в облаке пыли, чихнул. - Ну, давай, занимайся здесь, а мне некогда. Палатку стеречь надо. А то ходят всякие...- и затрусил обратно.

Мы с Игорем стояли у палатки с веслами наперевес. К этому времени подоспел и пастух верхом на лошади. Но наша помощь оказалась ненужной. Бугай, израсходовав свою ярость на копну сена, поплелся к стаду. Сенька, завидев нас, подбежал, радостно виляя хвостом, всем телом.

- Маленький, а какой злой, - с уважением сказал пастух.

- Не злой, а смелый, - поправил Игорь, ласково почесывая храбреца за ушами.

- И умный, - добавил я, наклоняясь, чтобы погладить щенка. Но тот от такой похвалы совсем потерял голову, подпрыгнул и лизнул меня прямо в губы.

- Тьфу! Не совсем умный, - поправился я, вытираясь. Но голос мой звучал не сердито.

Ворона

Сеньку я привез в лес в начале сентября. Такое множество кустов и деревьев он видел впервые, поэтому растерянно озирался вокруг. Но он не долго жался к моим ногам, через минуту сделал шаг, второй, обнюхал подозрительное место и оглянулся на меня вопросительно:

- Можно? - говорила его лохматая морда и лукавые коричневые глаза.

- Валяй, - разрешил я.

Сенька быстро засеменил своими короткими лапами, на некоторое время забыв даже вилять хвостом. Он обошел вокруг машины. Остановился и посмотрел на меня весело:

- А здесь неплохо...

- Давай-давай. Не бойся. Я здесь, - подзадорил его я.

Сенька подбежал к старому трухлявому пню, обнюхал со всех сторон, посмотрел на меня торжествующе и поставил свою метку. Он чувствовал себя здесь первооткрывателем. Я же сделал вид, что не замечаю его торжества, и демонстративно отвернулся, исподволь наблюдая за ним.

Вдруг внимание Сеньки привлекла ворона, что-то клевавшая неподалеку. И в нем проснулся охотничий азарт. Он лег на брюхо - и ползком к ней.

- Кар-р! - недовольно вскрикнула ворона и пересела на ближайший куст. Сенька подбежал к тому месту, где она только что сидела.

- Кар-р! - закричала ворона, что на ее языке, наверно, означало: «Не трогай!»

Сенька усиленно заелозил носом по земле и, не найдя ничего интересного, подбежал к кусту, звонко залаял. Лай был беззлобный, дурашливый:

- Гав-гав! Давай играть, - приглашал он ворону.

- Кар-р! Нужен ты мне... - крикнула та недовольно и перелетела на дерево в конце поляны.

- Ах ты! Ах ты! Вот я тебя сейчас, - лаял Сенька, подбегая к дереву.

Ворона не приняла вызова, она поднялась, сделала круг над поляной, провожаемая веселым Сенькиным лаем, и села на куст за дорогой.

- Ага! Поймаю! - залаял Сенька и кинулся к ней.

Ворона полетела вглубь леса. Сенька коричневым клубком покатился следом. Ворона дальше - Сенька за ней. Поворот дороги уже давно закрыл от него поляну, где стояла машина, но развеселившийся щенок не замечал этого.

Вороне, очевидно, надоели и лай, и сам щенок. Она поднялась повыше и скрылась за деревьями. И уже откуда-то издалека донеслось ее:

- Кар-р! Дурачок. Беги назад...

Сенька не понял ее предостережения и кинулся напрямую в чащобу. Но кусты были настолько густы, что он скоро выдохся и, оглянувшись, вдруг заметил, что остался один в неизвестном лесу. Он закрутился на месте. Коричневая пуговка его носа усиленно забегала из стороны в сторону, но густой, напоенный различными запахами воздух не давал ответа, и тогда Сенька тихонечко заскулил, потом отчаянно завопил:

- Ай-яй-яй! Помо-гите! Ой-ей-ей!

Я подошел, взял его на руки. Он завизжал от радости. Я вынес его и поставил на дорогу:

- Ну, что? Как бы ты без меня?

Но Сенька моего ехидства не понял. Он закрутил хвостом и побежал к поляне.

Ворона сидела на прежнем месте и подозрительно смотрела на него. Сенька было опять напряжился для

броска, но передумал. С гордо поднятым хвостом прошествовал к машине, словно хотел сказать:

- Я с такими не играю, - и растянулся в тени, устало закрыв глаза.

Новое знакомство

Мы остановились в деревне, чтобы купить молока. Сенька сразу выскочил из машины и стал знакомиться с окрестностями. Подбежал к дереву, обнюхал его, потом двинулся вдоль забора - все с таким деловым видом, что я не выдержал и окликнул его:

- Сеня! Что-нибудь интересное?

Он не принял моего шутливого тона и даже не удостоил взглядом.

За забором, учуяв чужого, залаяла большая собака, загремела цепью. Сенька было кинулся к ней, но я удержал:

- Куда ты, дурашка. Ведь ты меньше ее головы. И взвизгнуть не успеешь...

Сенька посмотрел оценивающе вначале на меня, затем на собаку и, согласившись, повернул на дорогу, но вдруг остановился пораженный. Невдалеке, сразу за дорогой, паслась стая гусей. С курами Сенька был уже знаком, а гусей видел впервые. Он усиленно задвигал носом, но гуси заметили его и, недовольно гогоча, собрались теснее, распекая щенка на разные лады. Особенно старался большой белый гусак, вожак стаи.

- Го-го-го! - выкрикивал он. - Понаехали тут всякие...

Сенька постоял, словно прислушиваясь к гусяному гоготанию, потом бросился вперед молча, стремительно.

- Га-га-га! Этого еще не хватало... Спасайтесь, братцы! - загалдели испуганно гуси и, хлопая крыльями, пустились наутек.

Сенька, довольный, с внезапно возникшим охотничьим азартом, - следом. Белый гусак бежал позади стаи. Он изредка оглядывался и громко вскрикивал:

- Га! Га! Караул!

Сенька шариком катился за ним, тоненько взлаивая. Я уже хотел окликнуть щенка, чтобы прекратить этот шум, как вдруг гусак остановился, растопырил крылья и, дерзко блестя глазами, повернулся к своему преследователю. Хищно изогнув шею, он зашипел сердито:

- Пш-ш! Ну-ка, подойди! Пш-ш!

Сенька замедлил свой бег, затем совсем остановился. Его лукавая морда, высунутый от усердия язык, высоко поднятый хвост выражали веселье и любопытство.

- Чего ты? - ласково твякнул он на гусака. - Чего злишься?

Шипение гусака стало еще более угрожающим, и вдруг он ринулся в атаку. Сенька в последний момент еле увернулся от широкого клюва. Гусак проскочил мимо, но тут же, помогая себе крыльями, развернулся и снова бросился вперед. Сенька попятился, затем повернулся боком,

готовясь к отступлению, и в это время гусак, словно шпагой, ударил его клювом.

- Ай! - взвизгнул щенок. - Ты чего?! Больно же... - и, трусливо поджав хвост, рванулся со всех ног назад, к машине.

Противники теперь поменялись ролями. Причем Сенька выглядел не с лучшей стороны. Вся гусиная стая громкими криками подбадривала своего жоака:

- Га-га! Лови его! Гони!

Сенька мчался к машине на предельной скорости. Он с разбега юркнул в открытую дверь и забился между сиденьями. Гусак подбежал, заглянул в машину и, не видя своего противника, попытался залезть вовнутрь. Но я его не пустил. Гусак было ринулся на меня, но вовремя опомнился.

- Го-го-го! - торжественно закричал он. - Видали, как я его?

- Га-га-га! Видали! Видали! - шумно хвалили своего жоака гуси.

Сенька высунул свою коричневую морду из-за сиденья и, еще вздрагивая от пережитого испуга, твякнул:

- Уж пошутить нельзя...

- Выйди сюда! Я тебе пошучу! Выйди! - продолжал грозиться гусак.

- Ладно, ладно, ребята. Хватит вам, - попытался помирить я противников.

Но не тут-то было. Гусак снова полез в машину. Тогда я отогнал его дальше за дорогу и позвал Сеньку:

- Иди сюда, забияка. Сам первый начал драку, а теперь в кусты. Не стыдно? Иди сюда!

Сенька вылез из машины и осторожно огляделся. Удостоверившись, что опасность миновала, он замахал хвостом и уставился на меня виноватыми глазами.

- Эх ты! Приехал в гости... Не стыдно? - журил я щенка, но он вдруг зевнул притворно и запрыгнул на сиденье.

Потянулся лениво и улегся, щуря глаза, всем своим видом показывая:

- Зачем из-за пустяка шум поднимать? Ну, пошутили... Ничего же особенного не произошло...

Конечно, ничего особенного не произошло, но с того памятного дня Сенька уже не гоняется за гусями, а обходит их стороной.

Первый снег

Первый снег застал нас в дороге. Сенька лежал на заднем сиденье и спал. Сладко спится в непогоду. Снег лепил и лепил, покрывая дорогу толстым слоем. Но только я въехал в город, как снежинки поредели и вскоре совсем прекратились. Небо посветлело, а воздух стал чистым, душистым. Перед моими глазами встали выбеленные, как к празднику, здания, белые тротуары, белые пушистые деревья.

Я подъехал к дому. Вылез из машины. Взял горсть снега, он был холодным, влажным.

- Сеня, вылазь. Посмотри, какая красота! Эй, ты, засоня!

Сенька открыл глаза и тут же закрыл их. Он еще ни разу в своей жизни не видел снега, поэтому встревожился, перескочил на переднее сиденье к открытой дверце и недоуменно стал озираться вокруг.

- Иди ко мне, не бойся. Ну!

Но Сенька нерешительно топтался на сиденье и вдруг заскулил:

- Е-е-е! Я боюсь.

- Чего ты, глупый? - Я вытащил его из машины и поставил на снег. Но Сенька взвизгнул и опять заскочил в машину.

- Это же снег, Сеня. На, нюхай, - я протянул ему снежок, но он отпрянул.

- Сенька! - сказал я строго. - Ко мне!

Он ступил на самый краешек сиденья, виновато завилял хвостом, но не спрыгнул.

- Как тебе не стыдно?! Трус!

Он смотрел на меня, и в его глазах я читал страх:

- Я боюсь. Это такое громадное, такое белое...

Я вытащил его одной рукой из машины, другой захопнул дверцу. Сенька испуганно поджимал поочередно лапы и жался к моим ногам. Но, наконец, поняв, что это белое его не кусает, стал принюхиваться, потом сделал шаг, второй... Оглянулся на меня повеселевшими глазами и звонко гавкнул:

- Гав! Так что же это такое?

И вдруг прижал к голове уши, встопорщил шерсть на загривке и зарычал:

- Грр! Грр! Кто такой?

- Ты на кого, Сенька? - Я оглянулся вокруг, но ничего подозрительного не видел. Между тем Сенька рычал все громче, потом залаял:

- Гр-гав! Гр-гав! Хозяин, помогай! - и бросился к забору.

Ах, вон оно что! Около забора лежал камень, но теперь, в снегу, он казался головой какого-то странного, сказочного существа в высокой белой шапке.

Я смахнул с камня снег. Сенька подошел, обнюхал и, очевидно, узнав свои метки, оглянулся:

- Так это мы домой приехали? - спрашивали его удивленные глаза.

- Конечно, домой. Вперед, Сенька, вперед!

Почувствовав родные запахи, Сенька осмелел. Сунул нос в снег. Фыркнул и припустил бегом вокруг машины. Потом упал, перевернулся. Вскочил. Отряхнулся и опять бегом, со звонким, веселым лаем:

- Гав-гав! Хорошо-то как! Чисто!

На его лай выскочил из соседней подворотни Шарик. Его черная шерсть на белом снегу казалась прямо-таки угольной. Сенька рыжим пламенем - к нему. И пошла ку-терма... Черный, рыжий, белый... Черный, рыжий, белый...

Черный... Рыжий... Белый.

- А ты боялся, - улыбнулся я. - Это же первый снег зимы и первый снег в твоей жизни, Сенька.

Сенька ищет работу

По весне мой товарищ попросил меня помочь отремонтировать дачу. Ремонт несложный, работа сразу же пошла споро. Сенька, радостно поблескивая глазами, крутился тут же, совал нос в каждую дырку, в каждую банку. В пушистом хвосте его застряли стружки, передняя правая лапа вдруг стала зеленоватой, а левая - голубой.

На морде пролегла белая полоса. Это и вынудило нас пойти на крайние меры - выставить Сеньку за дверь. Он долго скулил под дверью, царапался, потом внезапно затих.

Перемены в поведении моего друга всегда подозрительны. Тут-то и жди подвоха! Я выглянул в окно. Сенька крутился около крыльца, что-то усиленно вынюхивая. Вот он царапнул землю лапой в одном месте, потом перешел на другое. Тут, очевидно, земля была мягче. И вот Сенька быстро-быстро заработал обеими передними лапами. Земля так и сыпанула вверх. Я никогда не подозревал в нем таких способностей и очень удивился. Сенька тем временем работал, как хорошая землеройная машина, и пока я выскочил на крыльцо, вырыл уже довольно глубокую яму.

- Сенька, ты что делаешь? Ну-ка перестань сейчас же!
- закричал я.

Он высунул из ямы свою лохматую морду, испачканную теперь еще и землей.

- Ты что, не видишь? Работаю! - удивленно посмотрел он на меня и опять принялся за дело.

- Нельзя! Нельзя! Пошел отсюда! - я приближался к нему с самыми серьезными намерениями.

Сенька это понял и неохотно попятился.

- Гав! - негромко гавкнул он. - Вы работаете, а мне так уж и нельзя?

- Лег бы, повалялся на солнышке, - начал уговаривать я его и протянул руку, чтобы погладить, но он обиженно отвернулся.

Засыпав яму, выкопанную Сенькой, я вернулся в комнату. Работа наша шла к концу, но беспокойство вдруг охватило меня с новой силой. Бросив кисть в ведро с краской, я вновь вышел на крыльцо. Сеньки не было.

- Сеня! Сенька, где ты?!

Обошел вокруг домика - Сеньки нет. Внимательно оглядел весь участок - никого. Ну не мог же он перескочить через такой высокий забор? Или, может быть, есть где-то в нем дыра? Я пошел вдоль забора. И у недавно высаженно-го, какого-то редкого сорта малины, которым мой товарищ очень дорожил, я увидел... О, ужас! Увидел кончик пушистого хвоста, торчащий из свежерыкопанной норы. Оглянувшись, не видит ли это кощунство хозяин, я вытащил упирившегося Сеньку за хвост и наскоро присыпал яму. Сенька, наклонив голову набок, наблюдал за мной со стороны. Я пожурил его, погрозил пальцем, но стоило мне отойти, как он тут же вновь принялся за дело. Мягкая, разрыхленная земля так и летела из-под его лап. Ну что ты будешь делать? Пришлось забрать его в комнату.

Он так обрадовался, что тут же залез в банку с краской и оставил на полу отпечатки всех своих четырех лап.

- Зачем ты его сюда впустил? - рассердился мой товарищ. - Выгони его во двор.

“Ага! Выгони... Ты еще не знаешь про малину! - мелькнуло у меня в голове. - Но, с другой стороны... Сенька же умница и, очевидно, уже понял, что можно и чего нельзя”, - прикинул я и вытолкнул проказника за дверь.

И не ошибся. Сенька оказался еще умнее, чем я думал. Не успела за ним закрыться дверь, как он уже мчал-

ся к малине. Остановился и, заметив, что я наблюдаю за ним, негромко тявкнул:

- Гав! Скучно мне одному. Гав! Иди ко мне, а не то я...

Я вышел на крыльцо, Сенька подбежал, ласкаясь. Я взялся за ручку двери - Сенька рванулся к малине. Я спускаюсь с крыльца. Сенька ко мне. Я к двери - Сенька в малину...

Так и пришлось товарищу заканчивать ремонт одному.

Капкан

Не успел я вылезти из палатки, как Сенька тут как тут. Хвостом виляет и преданно смотрит мне в глаза.

- Что, соскучился за ночь? - усмехнулся я.

Сенька припал на передние лапы и еще усерднее завилял хвостом, приглашая играть.

- Ладно, ладно, некогда мне.

Взяв удочки, подсак, банку с червями, я столкнул на воду лодку. Сенька ужом проскользнул мимо меня и уселся на корме, радостно поблескивая глазами.

- Нет, брат, так дело не пойдет. А палатку кто стеречь будет, вещи?.. Вылазь, вылазь, - уговаривал я его. - Нельзя нам обоим отлучаться. Вылазь, ну!

Сенька с явной неохотой вылез на берег.

- Гав! - тявкнул негромко. - Возьми, пожалуйста!

- Сказал же - нельзя, - рассердился я. - Сколько можно повторять?

Сенька медленно потрусил по берегу вслед за мной. Я приналег на весла, и кусты скрыли от меня моего друга.

Через три часа, когда солнце уже жарило вовсю и утренний клев кончился, я причалил к берегу, но Сенька не выскочил, как обычно, навстречу. «Спит, наверное», - подумал я и громко позвал:

- Сеня! Ну-ка ко мне, быстренько!

Ни звука в ответ. Сеньки не было и в палатке. Я вновь позвал его и прислушался. Тихо все. Только чуть треснула где-то неподалеку ветка да всплеснула под берегом стайка рыбьей мелочи. «Что могло случиться? - не на шутку встревожился я. - До ближайшей деревни десять километров. Волков здесь не водится... Может, кто проехал мимо да поймал его. Ведь Сенька такой доверчивый. Но тогда бы я слышал шум мотора...»

И все-таки я выскочил на дорогу. Пробежал до ближайшего поворота - свежих следов автомашин не было.

Солнце палило нещадно. Пот заливал глаза. В траве тревожно звенели кузнечики. Кусты стояли нахохлившись, виновато опустив привядшие листья. «А почему считают, что здесь нет волков? - вдруг подумал я. - Вон какие заросли! Ах, Сенька, Сенька! Ну почему я не взял

тебя с собой в лодку? Бог с ней, с палаткой... с вещами...» Мне так стало жалко моего пропавшего друга, что запершило в горле и губы стали сухими, горячими.

Я вернулся к палатке, взял походный топорик и направился в самую гущу кустов, полный решимости хотя бы отомстить прожорливым волкам за своего четвероногого друга. Безуспешно я искал следы жестоких хищников, весь исцарапался о колючие ветки, но ничего не нашел. Подавленный и усталый вернулся к палатке. Ничто меня не радовало - ни хороший утренний клев, ни прекрасное место отдыха, ни устоявшаяся погода. Полными ненависти глазами смотрел я на эту коварную поляну, на густосплетение кустов - свидетелей Сенькиной гибели. Вдруг неподалеку от меня дрогнула и закачалась ветка. Я бросился вперед, ногой раздвинул кусты и увидел... Сеньку. Он лежал в какой-то страшно неудобной позе. Головы не было видно. Одна задняя лапа застряла в развилке ветки, другая - слабо скребла землю. «Живой еще!» - подумал я и, отбросив топорик, попытался поднять Сеньку на руки. Тело его дернулось, послышался жалостный тихий вздох. Я повернул своего верного друга на бок и захохотал.

Сеньке, конечно же, было не весело. У него не осталось сил даже шевельнуть хвостом. Но ситуация была комичная - Сенька сам себе нашел капкан. Любитель свиной тушенки, он обнаружил где-то порожнюю банку из-под нее, оставленную нерадивым нашим предшественником, и опрометчиво засунул туда морду. Острые края, загнутые вовнутрь, не давали вытащить ее обратно, а сама банка плотно засела в густых ветках.

Сколько Сенька промучился в этом капкане, не знаю. Наверное, долго, потому что, когда я освободил его, он так виновато и устало посмотрел на меня, так понуро гор-

бась залез под машину, что мне вновь стало жаль его, хотя трудно было сдерживать улыбку. Я предложил ему конфетку - он отвернулся.

Урок этот Сенька запомнил на всю жизнь. И если находил пустую банку, поднимал шум.

- Гав! Гав! - лаял он. - Безобразия! Разбрасывают везде мусор. Порядочной собаке прогуляться негде! - и не успокаивался, пока злосчастную банку не закапывали в землю.

Сенька помогает Актару

Только мы подъехали к дому егеря, как Сенька исчез. Стоянка здесь предвиделась длительная, поэтому я не беспокоился. Пока мои друзья ставили во двор машины, пока решался вопрос о ночлеге, я любовался красивой черно-белой лайкой, которая на привязи стояла в соседнем дворе. Она не лаяла. Она просто стояла и смотрела на нас, чуть слышно повизгивая. Мы долго разгружали машины, и за это время лайка ни разу не присела, только нервно переступала лапами.

- Хороша! - не выдержал я.

- Актар! Стоящий пес, - подтвердил егеря и вздохнул. - Хозяин не охотник, так... Губит собаку на привязи. Я просил продать - ни в какую! Говорит, дом сторожить некому. - Он огорченно махнул рукой и отвернулся.

Словно поняв, что разговор шел о нем, Актар взвыл и стал метаться по двору. В это время вывернулся откуда-то Сенька и бесстрашно нырнул в дырку забора. Актар умолк, насторожился и, вытянувшись вперед, насколько позволяла привязь, внимательно смотрел на незнакомца. Сенька приближался, грозно рыча, но при этом сильно махая хвостом. Начался обычный процесс знакомства -

обнюхивание. Я приготовился к худшему, испугавшись за своего любимца. Ростом он едва доставал до брюха лайки и вообще выглядел перед ней несолидно. Но все кончилось благополучно. Вот Сенька припал на передние лапы, потом метнулся в сторону, приглашая Актара играть. Тот кинулся было за ним, но ремень рванул его назад, чуть не опрокинув на спину. Актар завыл и стал бегать по двору, с грохотом катая блок по проволоке, натянутой от дома к сараю. Сенька, не дождавшись нового знакомого, вернулся. Вся его лукавая морда выражала высшую степень нетерпения.

- Гав? - спросил он. - Ну, чего ты? Я же жду.

Актар еще отчаяннее взвыл. Сенька подошел и долго обнюхивал ремень, на который был привязан Актар. Такую вещь он встречал впервые, поэтому исследовал основательно. Он даже пытался грызть его, но вскоре бросил эту затею и улегся рядом с новым другом, глядя в мою сторону и изредка взлаивая:

- Гав! Иди, помоги нам.

А что я мог сделать? Чужой двор, чужая собака...

Сели ужинать. Я позвал Сеньку. Обычно дважды приглашать его не приходилось. Но сейчас он подошел с явной неохотой.

- Сеня, ты что, заболел?

Он смотрел на меня своими коричневыми глазами с неммым укором.

- Глупый Сенька, ну что я могу сделать для твоего нового друга? Ничего.

Утром, еще затемно, мы быстро погрузили все необходимое на телегу и тронулись в путь по едва заметной дороге, через болота к дальним озерам. Я крикнул Сеньку, через некоторое время он появился, покрутился у ног, поластился и потрусил сзади.

За разговорами с егерем я вспомнил про Сеньку спустя полчаса. Позвал, его не было.

- Сенька! Сенька! Сенька-а-а! - кричал я, но безрезультатно. Ночную темень сменил густой туман - дорогу не видно в десяти метрах. «Сбежал к машине», - успокаивал я сам себя, однако тревога не унималась, и я повернул назад.

Каково же было мое удивление, когда через несколько шагов, за поворотом, я буквально наткнулся на Сеньку и... Актара. На Актаре был ошейник с обрывком ремня. Ремень кто-то перегрыз мелкими, словно мышинными зубами. Я вопросительно посмотрел на Сеньку. Тот с преувеличенным вниманием обнюхивал какую-то травку.

- Ну-ка, подойди ко мне, - приказал я. Он подошел неохотно, виновато опустив хвост и прижав к голове уши.

- Твоя работа? - Я сунул ему под нос кусок ремня.

Сенька дипломатично отвернулся.

Я присел на корточки и снял с Актара ошейник.

- Ну и что прикажете теперь делать?

Актар отскочил в сторону. А Сенька вдруг подпрыгнул и неожиданно лизнул меня в лицо.

Как мне поступить? Ну не вести же Актара назад? Да и возвращаться нельзя - плохая примета. И мы - втроем поспешили догонять телегу. Сенька бежал впереди, довольный, гордо задрав хвост и весело оглядываясь. Рядом с ним бежал Актар, иногда касаясь мордой Сенькиного уха. Наверное, благодарил за помощь, а может, рассказывал что-то интересное.

Обознался

Как-то раз мы с Сенькой поехали в сад к одному нашему приятелю. День выдался жаркий. Мы с приятелем сидели на веранде на сквознячке, а Сенька, страдая в своей теплой шубе, забился под куст сирени и часто дышал, высунув язык. Я с жалостью поглядывал на своего друга и придумывал, чем бы облегчить его участь, как вдруг увидел неторопливо идущего между грядок клубники большого кота. Был он желто-белой окраски и очень напоминал пропавшего Пушка.

Сходство заметил и Сенька. Он резво вскочил, весело завилял хвостом, и я понял, как свежа еще его рана - потеря друга. Сенька бросился навстречу коту со всех ног, весело влаивая, как тогда... в игре с Пушком.

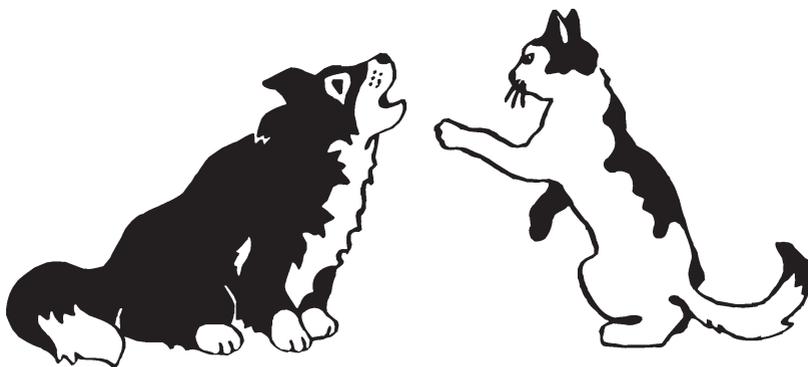
- Гав-гав! Здравствуй! Давай играть?

Но кот не понял Сеньку.

- Кто ты? Чего надо? - сердито зашипел он, выгнув дугой спину.

- Гав-гав! - весело лаял Сенька. - Гав-гав! Давай играть! Это так интересно. Так хорошо. Ну, давай! - он прямо по грядкам подбегал к коту то с одной, то с другой стороны, но тот угрожающе вопил:

- Ма-уу! Отстань! Уйди! А то...

На Сеньку эти предостережения не действовали. Он подбирался к коту все ближе, припадал грудью к земле, прыгал, визжал. Вдруг кот резко выбросил вперед переднюю лапу, ударил Сеньку по морде и, дико вякнув:

- Мау! Вот тебе! - бросился к яблоне.

Сенька взвизгнул, затряс головой, зафыркал, а кот, воспользовавшись его замешательством, вскарабкался на дерево и уселся на суку, злорадно ворча:

- Не будешь лезть, куда тебя не просят.

Сенька подошел, задрал голову и обиженно тявкнул:

- Гав! Ты чего? Я же хотел поиграть...

- Мрря-у! - взревел кот. - Я тебе поиграю!..

Сенька, растерявшись от такого поворота, присел на задние лапы, а передними по очереди то одной, то другой стал тереть морду, изредка укоризненно поглядывая на кота. Он словно говорил:

- Вот, хоть ты и ударил меня, а я все равно на тебя не сержусь. Слезай с дерева и давай играть.

- Мррря-у, - заунывно ревел кот. - Уйди! Не нужна мне твоя игра.

Сенька медленно обошел вокруг яблони и прилег в тени, очевидно, решив терпеливо ждать. Но кота этот вариант не устраивал, и он еще громче завыл:

- Уйди! А то слезу, тогда...

Сенька положил на вытянутые передние лапы морду и закрыл глаза. На некоторое время в саду вновь воцарилась тишина. Но вот кот стал медленно спускаться с дерева, злобно сверкая глазами на Сеньку. А тот то ли задремал, то ли делал вид, что дремлет. Кот спрыгнул на землю и только успел сделать несколько шагов к забору, как Сенька в два прыжка загородил ему дорогу.

- Гав-гав! Ну, давай поиграем. Ну, хоть чуть-чуть. Хоть капельку...

- Фу-ух! - зашипел кот. - Нахал! Уйди с дороги! - и принял боевую позу.

Сенька наконец понял, что из игры ничего не получится, сразу как-то сник, опустил хвост и тихо поплелся к веранде.

- Что, Сенька, не вышла игра? - спросил я щенка. - Это тебе не Пушок...

Сенька посмотрел на меня полными человеческой печали глазами и чуть шевельнул хвостом.

- Обознался!

Предательство

Мне позвонил товарищ и закричал в трубку:

- Слушай, достал спаниеля! Великолепного! Чистокровного! Собирайся на охоту. Живо! Поедем на моей машине. Даю час на сборы.

Естественно, сборы были спешные. Сенька, зараженный моим волнением, носился вокруг, мешаясь под ногами. Блестел своими коричневыми глазами, вертел хвостом и поминутно звонко лаял:

- Гав! Гав! Меня-то возьмете?

- Сеня, ну о чем разговор. Конечно, возьмем, куда я без тебя?

Ружье, патроны, резиновая лодка, спальный мешок, продукты... Кажется, все... И - сигнал машины у ворот. Вовремя мы управились. Выбегаем с Сенькой. Точно – это за нами. Складываем вещи в багажник. Открываем дверцу машины. Вот он - знаменитый спаниель! Длинные висячие уши. Ухоженная черно-белая волнистая шерсть. Но не успел я толком его разглядеть, как Сенька уже запрыгнул на сиденье и оскалил зубы:

- Гр-гр! Это еще что за новости? И еще лежит на моем месте!..

Благородный спаниель тоже зарычал. Мгновение! И клубок собачьих тел уже катался по машине. Полетели клочья черно-белой и рыжей шерсти. Ах! Ах! Мы срочно вмешиваемся. Тяжело дышащие противники растащены за задние лапы.

- Сеня! Ты что это? Как тебе не стыдно? Помиришь сейчас же, - уговаривал я своего друга.

Но не тут-то было. Ни Сенька, ни спаниель не хотели уступать. Что делать? И в спешке было принято решение: Сеньку оставить дома. Рыжий рычащий комок был

выдворен за калитку. Калитку на запор. Взревела машина, и мы помчались вперед. Ну что мне стоило обернуться назад?

В начале нашего пути, увлеченный обсуждением ярко выраженных признаков чистых кровей спаниеля и выбором места предстоящей охоты, я как-то забыл про моего друга Сеньку. Потом, чуть позднее, в душу мне закралось сознание вины перед ним, которое уже не оставляло до самого возвращения. Настроение из-за этого было скверное, потому и охота не удалась, и спаниель не понравился, хотя работал он неплохо.

Но вот, наконец, через два дня снова родная калитка, снова дома, но никто меня не встречает, не прыгает вокруг, не ластится, не вертит хвостом... Вхожу во двор - тишина. Поднимаюсь на крыльцо - вот он!

- Сеня, привет!

Но Сенька, как лежал на верхней ступеньке крыльца, так и остался лежать, только глянул на меня грустными-прегрустными глазами и отвернулся.

- Ты что, заболел? - встревожился я и нагнулся, чтобы приласкать, но Сенька выскользнул из-под моей руки, прыгнул с крыльца и улегся под кустом смородины.

- Что с тобой, Сеня, дружище? - Я направился к нему. Он - от меня. - Да что же это такое? Ты меня не узнал?

- Обиделся он, - пояснила моя мать. - Как вы уехали, он за вами погнался. К вечеру только вернулся.

Весь в грязи, усталый. И с той поры ничего не ест, все лежит и лежит...

Я взял любимую Сенькину ливерную колбасу, подсунул кусочек ему под нос. Он отвернулся. Я гладил его. Называл ласковыми именами. Просил прощения - ничего не помогло. Я позвонил ветеринарному врачу - посоветоваться.

- Обиделся сильно, - подтвердил и врач. - Но не огорчайтесь, через день-другой отойдет. Побольше будьте рядом с ним. Собака - не человек. Она прощает все, даже предательство...

На следующий день я вывез Сеньку за город. Там он немного оттаял. А через два дня снова стал самим собой - веселым, забавным, ласковым.

Но я, как только вспомню про этот случай, так снова чувствую вину перед Сенькой.

Спасибо, выручил!

Устав за дорогу (мы поехали на дальний кордон к леснику в гости), Сенька вылез из машины медленно, нехотя. Потянулся. Зевнул. И посмотрел на меня. «Давай отдохнем здесь подольше», - прочитал я в его взгляде.

- Ты только поосторожней, пожалуйста. Если что, сразу в машину, дверь открыта.

Он презрительно фыркнул, повернулся ко мне своим пушистым хвостом и направился к забору. Но не успел я дойти до дома лесника, как услышал сзади грозное рычание и, оглянувшись, увидел двух лаек, мчащихся от опушки леса.

Сенька, увлеченный исследованием забора, заметил опасность слишком поздно - путь к машине был отрезан. Его маленькая фигурка так жалко выглядела по сравнению с двумя взрослыми лайками, что я, не раздумывая,

бросился к нему на помощь. Очевидно, надеясь на нее, Сенька вздыбил шерсть, прижался задом к забору и зарычал. Но в его рычании не было ни капли уверенности. Оно скорее походило на мольбу о пощаде.

Лайки тем временем, чуть не сбив грудью моего друга, затормозили в полуметре от него. Я явно не успевал. А свирепые пасти были так близки, что Сенька закрыл глаза, перевернулся на спину и позорно задрал лапы кверху. У меня пересохло в горле! Вот сейчас!.. Но сначала одна лайка, затем другая, с шумом втягивая воздух, стали обнюхивать моего любимца. Видимо, сам Сенька как противник был для них так ничтожен, а запахи, исходящие от него, так непривычны и интересны, что потребовали тщательного изучения.

Почувствовав, что опасность быть растерзанным на клочки миновала, Сенька перевернулся на живот, встал на лапы и приветливо завилял хвостом. Теперь моя помощь ему уже не требовалась. И Сенька посмотрел на меня торжествующе: «Ну, и как я их? Видал!»

- Молодец! – похвалил я его вслух, но не удержался от ехидства: - Держался ты крепко.

Заслышав мой голос, лайки вновь приняли боевые позы и разинули пасти, теперь уже на меня. Я почувствовал себя не очень уютно. Рослые, серой волчьей масти, на крепких ногах, с мощными челюстями, эти зверюги спокойно держат медведя, загоняют лося.. А у меня в руках нет даже палки. Потом, уже после, я сообразил, что палка их бы, конечно, не остановила. Наоборот, она только бы раздражила собак и побудила к нападению. Они сделали бы это и сейчас, если бы не Сенька. Он отважно встал между мною и лайками и, ощетинившись, залаял:

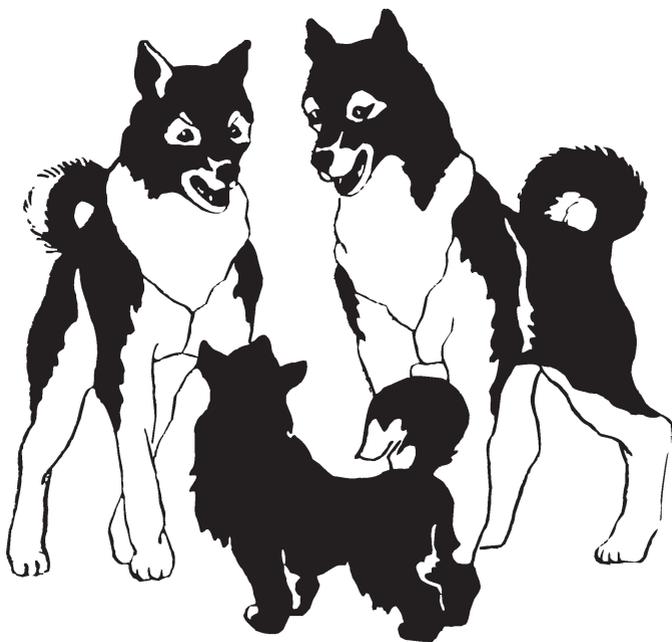
- Гав! Гав! Только посмейте! Я вам...

Лайки удивленно скосили глаза на него, и Сенька понял, что переборщил, поэтому сразу же припал на передние лапы грудью, вильнул перед их мордами своим пушистым хвостом, подпрыгнул, стараясь лизнуть в оскаленные пасти, и взвизгнул:

- Ребята, вы что?! Это же мой хозяин. Не связывайтесь. То ли нам нечего больше делать?! Айда играть, – и метнулся в сторону.

И лайки, еще настороженно оглядываясь на меня, бросились за ним. Через несколько секунд эти свирепые звери носились за Сенькой, словно щенки, дурашливо влаивая и озорно блестя глазами. Обо мне они забыли.

- Ох, Сенька, ты и прохвост, - выдохнул я облегченно.
- Ну, спасибо, выручил.

Страх

Много интересного было на дальнем кордоне, но эта встреча запомнилась особо.

Закончив исследования прилегающего ко двору лесника пространства, Сенька, естественно, захотел ознакомиться и с самим двором. Он не последовал за лайками в дыру забора, а толкнул носом скрипучую калитку и бесцеремонно, на правах важного гостя, ступил во двор. Для начала, отдавая дань моему, хотя и несколько посрамленному во встрече первой, старшинству, он подошел, позволил себя потрепать по лохматому загривку и тут же заспешил продолжить знакомство с окружающим миром в почетном сопровождении лаек, которые теперь не отходили от него ни на шаг.

Я особенно внимательно наблюдал за Сенькой, и вот почему. Посредине двора под деревом стояла вместительная клетка, обитая железной сеткой. А в ней, безразличная ко всему, лежала волчица. Настоящая. Живая. Ее поймал в капкан лесник, и теперь она дожидалась оказии, чтобы ехать в зверинец. Наши разговоры, хождения по двору, даже присутствие лаек, к которым она уже привыкла, не трогали волчицу. Она лежала неподвижно, вытянув вперед лапы и положив на них крупную, остроносую голову. В глаза ее, дремотно прикрытые, невозможно было заглянуть. Ни один волосок, ни один мускул не отреагировал и на скрип калитки, когда Сенька вошел во двор. Но когда он, деловито елозя носом, заспешил по тропинке, волчица приоткрыла глаза, и они вспыхнули страшным зеленоватым светом. Волчица неслышно поднялась и также неслышно улеглась уже у самой сетки.

Сенька, маленький, лохматый, ничего не подозревая, бежал близко от клетки, семена своими короткими лапа-

ми. И вместе с ним, рядом, рывками, но совершенно бесшумно передвигалась волчица. Вся ее напряженная фигура, взгляд, неотрывно устремленный на щенка, слаженная работа мышц, которые не выдавались из-под шкуры, как у наших охотничьих и сторожевых собак, а только угадывались, кошачья бесшумность движений – все обличало настоящего хищника, свирепого и безжалостного.

Волчицу от Сеньки отделяло расстояние всего в полпрыжка, в четверть прыжка. . . Но она не бросилась, потому что видела перед собой железную преграду. А когда Сенька, так ничего и не заметив, стал удаляться от клетки, волчица села и вдруг, широко разевая пасть, зевнула. Зевнула громко и застыла, глядя куда-то вверх. Сенька, услышав зевок, оглянулся и, заинтересовавшись, повернул назад. Он никогда не отличался хорошим чутьем, видеть же волков ему не приходилось ни разу. Поэтому смело подошел к клетке и уже поднял лапу, чтобы поставить метку, как вдруг. . .

Я даже не смог проследить рывок взглядом, только почувствовал дрожь маленького тела у моей ноги. Лайки стояли, недоуменно оглядываясь, - кого так испугался их новый знакомый? Сенька же дрожал все сильнее и, чего никогда не было, вскарабкался мне на колени.

Волчица не сдвинулась с места, глядя куда-то вверх, в синеющую даль алтайских гор. И мне стало жаль ее.

Приехали

Только мы подъезжаем к дому из своего очередного путешествия, как Сенька шариком выкатывается из машины, обегает вокруг и звонко лает:

- Гав! Гав! Приехали! – и отходит в сторону, мол, свои обязанности я выполнял исправно, теперь твоя очередь,

хозяин, - разгружай машину, таскай палатки, лодки, удочки, а мне некогда. У меня тоже дел по горло. И тут же начинает проверять свои метки.

Но на его лай уже выскочил из соседней подворотни черный, как жук, щенок – Шарик. Выскочил и мчится к Сеньке, усиленно виляя хвостом. Сенька, свысока поглядывая на Шарика, дает ему возможность как следует себя поприветствовать и трусит дальше. Шарик следом, вытягиваясь в струнку, старается носом достать хоть кончик Сенькиного хвоста.

Из калитки напротив выходит кокетливая болонка - Барселона. Потягивается, жеманно шурит глаза под нависающими кудряшками и вдруг, заметив Сеньку, взвизгивает и бросается к нему. Навстречу даме Сенька галантно делает несколько шагов, вежливо виляет хвостом и дает себя обнюхать. Потом поворачивается и продолжает свой путь. А вот и Мушка, помесь дворняжки со спаниелем, мчится, заискивающе повизгивая. За ней пристраивается огромный добродушный пес с редкой кличкой Лай. Из-за угла выворачивает лохматый Боб, за ним еще, еще... Наконец Сенька, окруженный целой свитой поклонников, останавливается где-то в укромном уголке. Садится. Обожатели плотно окружают его и начинают обнюхивать.

Наверное, это так же, как и у нас, у людей. Когда встретишь знакомого, вернувшегося из интересного путешествия, хочется послушать его рассказы.

Здесь же рассказы - это запахи, принесенные в густой Сенькиной шерсти оттуда, куда ни одна из этих собак попасть даже не мечтает.

И Сенька, гордый оказанным вниманием, с самодовольным видом дает возможность своим поклонникам пережить хоть в малой мере то, что пережил сам.

Я представляю себе это так:

- Сеня, милый, а что это за запах? - начинает подлизываться Барселона.

Даме нельзя не ответить, и Сенька, оттопыривая нижнюю губу, поясняет:

- Это? Лось пробегал неподалеку.

- Лось?! Настоящий?! И ты... Ты...

- Нет, - Сенька притворно вздыхает. - Не пустил меня хозяин. А то бы я... конечно...

- А вот этот? - несмело спрашивает Шарик.

- Ни разу неграмотный, что ли? Не знаешь? Эх, ты... - презрительно фыркает Сенька. - Это же ондатра. Я сидел на ее домике.

- Ой! - восклицают хором Барселона и Мушка. - На самом ее домике. И... И не боялся?

- Кого? - возмущается Сенька. - Ондатру? Да я...

- Врет он все! Врет! - лает за забором и гремит цепью огромная овчарка Дик.

- Завидуешь, пустолайка, - небрежно бросает Сенька.

- Это я... я пустолайка?! Ну, погоди! Дай мне освободиться от ошейника, я тебе покажу, жалкий хвастунишка!

На эту угрозу Сенька и ухом не ведет. Верит - цепь крепкая. Храбрясь, он подходит к самому забору, поднимает заднюю лапу и ставит свою метку.

Дик, взбешенный таким нахальством, хрипит и исходит пеной.

- Оставь его, дурака, - ворчит добродушно Лай. - Лучше скажи, вот это что?

- Зайчишка попался, - облизывается Сенька. Облизываются все, роняя на землю слюну.

- А это? - громко спрашивает чем-то встревоженный Боб.

- Волчица! - выдыхает Сенька, и все замирают, оцетилившись. Барселону начинает бить дрожь. И даже Дик перестает греметь цепью.

Такая или почти такая встреча длится с полчаса. Затем Сенька встает и ленивой трусцой направляется к дому. Остальные собаки нехотя разбредаются по своим собачьим делам.

После каждой нашей поездки такое обнюхивание повторяется. И, наверное, из-за этого, несмотря на свой малый рост, Сенька пользуется огромным уважением у окрестных собак. Что интересно, в дни нашего приезда я не видел ни одной собачьей ссоры. Они будут потом, завтра, а сегодня... Сегодня нельзя, сегодня Сенька приехал!

Последняя рыбалка

Приближалось время сенокоса. Погода держалась пасмурная. Поэтому нас очень донимали комары. Они тучами вылетали из высоких, уже созревших трав. Комаров было так много, что даже Сенька в своей густой лохматой шубе не выдерживал их натиска. Они набивались в нос, глаза, уши, и он, спасаясь от их укусов, выкапывал в земле нору, залезал в нее и закрывал морду лапами. Комары облепляли Сеньку так густо, таким плотным слоем, что мой бедный друг становился из коричневого - серым. Ночью мы спасались в палатке, а днем приходилось уплывать на лодке подальше от берега. На открытой воде комаров было меньше. Если бы не эта кровожадная братия, отдохнули бы мы хорошо. Рыба клевала отменно, ночи были теплыми, днем не жарко. Отпуск мой закан-

чивался, вечером мы уезжали домой, но в полдень, когда сборы были в полном разгаре, к нам пожаловали гости.

Двое мальчишек, дочерна загорелых, босиком, с простенькими, вырезанными из тальника удилищами, подошли, глаза на машину, яркую палатку, на спиннинги с блестящими катушками... Подошли, робко поздоровались, опасливо косясь на Сеньку.

С мальчишками Сенька знакомился быстро и относился к ним доброжелательно. Но на этот раз он слишком долго обнюхивал их, и я, боясь за гостей, прикрикнул:

- На место!

Он подчинился с неохотой и ушел под машину обиженный. Но через минуту выскочил оттуда. Шерсть на загривке дыбом, горло подергивается в грозном рычании. Никогда я не видел его таким сердитым.

- Сенька! Ко мне! - но он не послушался и бросился мимо нас по тропе.

- Это он на нашу собаку, - пояснил один из мальчишек. И точно, из-за поворота вышла большая и лохматая, какого-то неопределенного цвета собака. Шла она медленно, еле переставляя лапы. Шерсть висела сосульками.

- Отчего она у вас такая? Уж не бешеная ли? - заволновался я.

- Не-а! Старая сильно. И не ест ничего.

И хотя объяснение было не очень вразумительное, я успокоился. Угостил мальчишек конфетами, оторвал им японской лески, показал новую польскую лодку, но краем глаза не переставал следить за Сенькой. Уж очень странно он повел себя с нашими гостями. Не обидел бы... Но Сеньке было не до мальчишек. Он целиком занялся

их собакой. Он не давал ей приблизиться к нам, прыгал перед мордой, рычал, лаял. Собака тоже показывала зубы и, хотя была больше Сеньки, нападать боялась. Она несколько раз пыталась пробиться к своим хозяевам и каждый раз получала такой яростный отпор, что наконец отступила и улеглась прямо на тропе. Сенька присел неподалеку и, поглядывая на непрошеную гостью, громко лаял:

- Гав-гав! Разлегся тут... Убирайся отсюда!

Мальчишки побыли с час и ушли. Сенька далеко проводил их, не переставая лаять. И даже когда вернулся и обнюхал то место, где лежала эта так не понравившаяся ему собака, вновь встопорщил шерсть на загривке и зарычал.

- Хватит тебе, - успокаивал его я. - Ну, прогнал... Ну, хватит.

Вечером мы уехали домой. А через неделю Сенька заболел, стал вялым, отказался от еды, глаза у него воспалились и покраснели. В начале болезни мы пробовали лечить его домашним способом - насильно поили молоком, промывали глаза слабым раствором борной кислоты. Ничего не помогало. Сенька сильно похудел, рыжая, прекрасная шерсть потемнела и свалаялась космами.

Мы вызвали врача. Он только глянул на моего друга и выдохнул:

- Чумка. В народе ее называют собачья смерть. Ничего нельзя сделать. Где-то он заразился...

И я вспомнил нашу последнюю рыбалку, мальчишек, собаку, на которую так лаял Сенька. Наверно, он чувствовал, что она больна, и старался не пустить ее к нам, не зная, что люди этой болезнью не болеют. Оберегал нас, а сам вот не уберегся.

Мы с Игорем повезли Сеньку в ветеринарную лечебницу. Он лизал нам руки, словно прощаясь, и язык у него был сухой, шершавый. Игорь плакал. Я сам не мог сдерживать слез. Врачи делали все, но спасти Сеньку не удалось.

Так не стало Сеньки. Он был самым породистым из всех непородистых собак. Он был верным другом...

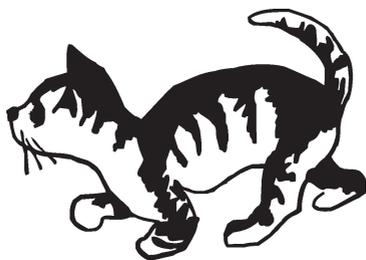
БЕССТРАШНЫЙ МУРЗИК

1

Маленький пушистый комочек свободно умещался на ладони. Глаза только-только открылись и были еще мутные, так что об их цвете говорить пока не приходилось. Зато сам котенок был рыжий. Рыжий - весь. От кончиков ушей до хвоста. И хвост! Причем рыжий в полоску. Полоски шли поперек маленького туловища – одна полоска потемней, другая - посветлей. И только живот был однотонный, белый. Впрочем, с возрастом цвет мог измениться.

Денис назвал котенка – Мурзик. Достался он ему совершенно случайно. Утром мама собралась в магазин, открыла дверь квартиры, а у двери – вот этот рыжий комочек. Кто-то подбросил.

Так у Дениса появился друг. Рос Мурзик быстро и с каждым днем становился игривей и игривей. Даже неутомимый Денис иной раз падал в изнеможении на диван, а Мурзику хоть бы что. Если честно, Денису играть с котен-

ком очень нравилось, он бы целый день с ним играл и даже в школу не ходил. Нет, в школу он все-таки ходил. Попробуй не пойдешь! Но на уроках мечтал, как придет домой, как увидит лукавую мордашку своего друга...

Руки у Дениса были оцарапаны острыми коготками котенка, успехи в учебе скользнули вниз.

Естественно, это не прошло мимо внимания мамы:

- Денис, я договорилась отдать Мурзика в хорошие руки,
- как-то заявила она во время ужина.

Если бы вот сейчас, сию минуту над ухом Дениса ша-
рахнула пушка или в тарелке возник инопланетянин, он
бы не так отреагировал.

- Что-о?! - вскричал он. - Ка-ак отдать? Почему? - Сле-
зы выступили на глазах от такой несправедливости.

- Мурзик тебе мешает учиться. Раз!

- Мама - нет! Мамочка...

- Выслушай меня.

- Но я не хочу, чтобы ты отдавала...

- Выслушай сначала.

- Но мамочка...

- Без истерик, пожалуйста, - вежливо предупредил папа
и дипломатично добавил. - Оба.

- Мурзик мешает тебе учиться. Ты забросил уроки. Раз! -
мама подождала возражений, но их не было. Денис молчал,
сжав губы. Слезы ручьем бежали из глаз. - Второе, посмот-
ри на твои руки - все в царапинах! Так недолго занести ин-
фекцию и попасть в больницу. Ты хочешь в больницу?

Денис молчал. Он не хотел в больницу, но больше все-
го не хотел лишиться Мурзика.

- И третье, ты вообще перестал выходить на улицу и
играть с ребятами. Ты вырастешь одиноким эгоистом...

- Эгоистом становятся не поэтому, - заметил папа.

- Помолчи! - приказала мама папе. - К тебе у меня тоже
есть претензии.

- Молчу-молчу, - сказал папа, но не замолчал. - Вооб-
ще-то, сын, твоя мама права.

- Я всегда права, - констатировала мама.

- Ну, не всегда... - вскинулся было папа. - Ладно, я не
буду при ребенке делать тебе замечание...

- Попробуй только... - бросила мама вызов, но папа его не принял.

- Сын, если ты будешь соблюдать три условия, что поставила тебе мама, я уговорю ее, чтобы Мурзика не отдавать, даже в хорошие руки. Понял?

- Как это ты уговоришь? - более веселым голосом спросила мама. - Каким образом?

- Есть у меня способ. Так как, сын?

Денис очень уважал папу, и очень его любил. Нет, он любил и маму. И, наверное, больше... Вернее... Короче, он любил их обоих и... Мурзика.

- Так как, сын? - повторил папа. - Если ты не принимаешь эти три условия...

- То завтра я отнесу котенка и отдам в хорошие руки. Договоренность уже есть, - почему-то весело продолжила мама.

Денис мог возразить и маме, и папе. Во-первых, Мурзик не мешает ему учиться. Разве только чуть-чуть. Во-вторых, он моет руки с мылом и этой... инфекции не занесет. И у Мурзика когти чистые, сколько он царапается, а этой... инфекции нет. И, в-третьих, на улицу Денис не хочет ходить, потому что ему интереснее дома с Мурзиком. Ну, и насчет эгоиста... если Денис и вырастет эгоистом, то хорошим... Так мог возразить Денис, но не возразил, благоразумно промолчал. Он понимал, что его возражения ничего не дадут. Потому и согласился на родительский ультиматум. Правда, он не хотел быть побежденным и выставил свой главный аргумент:

- Папа, в кино это называется - шантаж, - он с трудом выговорил слово, но выговорил и остался этим доволен.

Папа хмыкнул. Мама отвернулась.

- Не понял, ты согласен выполнять три пункта нашего договора? - каким-то сдавленным голосом спросил папа.

- Я уступаю силе, - гордо сказал Денис, вылез из-за стола, подхватил под живот Мурзика и пошел в свою комнату. По дороге он прошептал котенку в ухо: - Мы друзей не предаем, правда, Мурзик?

2

Трудно пришлось Денису с первым пунктом. Кое-что он подзабыл, кое в чем он отстал. Но желание не отдавать Мурзика никому, даже в хорошие руки, пересилило. Денис знал: мама шутить не любит. Он представил, как приходит домой, а Мурзик его не встречает в дверях, не приглашает играть, не сидит в засаде, смешно подергивая хвостом... Потому что... Потому что его нет. Просто нет! Его мама отдала...

Память у Дениса отличная, учился он всегда с удовольствием, поэтому чуть постарался и дела пошли на лад. С царапинами тоже нормализовалось. Денис демонстративно долго мылил руки мылом, которое дала мама, да и Мурзик не так стал царапаться. Папа говорит, что котенок просто повзрослел, а Денис считает, что он тоже не хочет, чтобы его забрали отсюда, пусть в хорошие руки... Вот с гуляньем во дворе не получалось. Но мама и не настаивала. Зима на дворе - холодно.

Мурзик ел с аппетитом, играл с азартом, потом опять ел, опять играл... И потому рос быстро. Однажды папа сказал, глядя задумчиво на рыжее, полосатое существо:

- Сколько же ты весишь?

Мама тоже заинтересовалась, да и Денису захотелось узнать. Принесли из спальни весы. Взвесили сначала Дениса.

- Тридцать восемь килограмм, - сказал папа и глянул на маму с укором.

- Он ничего не ест, я его чуть не силой заставляю... - вскричала мама.

Папа промолчал. Потом Денис взял Мурзика на руки и стал на весы.

- Ого! - разом воскликнули и мама, и папа. - Сорок!
- Мурзик весит сорок килограмм? - удивился Денис.
- Ты вешишь тридцать восемь, а вместе с Мурзиком - сорок.
- Мурзик весит всего два килограмма? - удивился Денис. Он еще не мог в своем сознании сопоставить вес и рост, вес и объем...

- Уже два килограмма! - резко сказал папа. - А что будет через год?!

- Что будет через год? - не понял Денис.

- Ладно, посмотрим... - папа поднял весы и унес в спальню.

Наконец на дворе наступила весна. Снег осел и почернел. На дорогах днем стояли лужи. Ночью, правда, эти лужи замерзали, но к обеду в них с веселым чириканьем купались воробьи.

Мурзику весна тоже нравилась, он мог часами сидеть на подоконнике и смотреть во двор. Когда же близко к окну подлетал голубь или какая другая птица, он прижимался к подоконнику, стараясь сделаться невидимым, глаза его неотрывно следили за полетом, а хвост дергался, наверное, от нетерпения и желания прыгнуть и поймать птицу.

Если в такие минуты Денис брал котенка на руки, Мурзик бывал очень недоволен. И тогда у Дениса родилась мысль - почему бы Мурзика не вынести погулять?

Мама предупредила, что вообще-то кошки - домашние животные, а не уличные и по двору не бегают.

Папа возразил, сказал, что домашнее животное так называется, потому что человек приручил его к дому. И привел пример, что один профессор с их кафедры каждое утро на поводке выгуливает своего кота.

- И он не убегает? - спросила мама.

- Кто?

- Конечно же, не профессор...

Тут вмешался Денис:

- Мама, он же на поводке!

- У нас же нет поводка, - вздохнула мама и добавила. – Мурзик от тебя убежит.

Тут уж Денис возмутился:

- Почему он от меня убежит? Что, ему плохо со мной?

Папа стал на сторону Дениса:

- Котенку полезно подышать свежим воздухом. Денис его возьмет за пазуху. И сам погуляет, и котенок.

- Как хотите, я вас предупредила, - мама надела на Дениса курточку попросторнее, посадила Мурзика за пазуху и проводила до двери.

На дворе солнышко светит. Ребятишки играют. Они сразу же обступили Дениса:

- Покажи кота. Какой он породы? – интересовались мальчишки.

- Ой, какой красивый... - это, конечно же, девчонки.

Да, Мурзик был очень красивый - рыжий, в полосочку. Он, наверное, знал это и потому очень важничал, хотя ему было страшно. Немного. Особенно первое время. Когда же ребятня отбежала по своим делам, он высунул мордочку из-за пазухи Дениса и стал проситься на землю. Денис выбрал место посуше. Мурзик с любопытством огляделся, принялся. Вокруг кипела другая жизнь, совсем не такая, как в комнатах. Бегали и весело кричали ребятишки, взрослые проходили степенно. Птички летали и чирикали. А что это?!

Мурзик дугой выгнул спину и встопорщил шерсть. К ним прыжками приближалась овчарка. Мурзик в своей жизни еще не видел собак, но с момента рождения у него был заложен сигнал о страшной опасности, которую представляют для кошек собаки. Потому и реакция была такой стремительной.

Денис тоже увидел собаку, что мчалась к котенку. Он схватил лежащую неподалеку палку и встал на пути собаки. Денис не знал, что собакам нельзя грозить палкой, тем более овчаркам, это вызывает у них ярость. И овчарка решила сначала разделаться с мальчиком, а потом уже с котом. Она прыгнула, стараясь клыками достать мальчишку, поднявшего на нее палку. И вдруг... Рыжая молния мелькнула перед глазами собаки и вцепилась ей в морду. Собака от неожиданности потеряла направление прыжка. Она вообще ничего не видела. Она завизжала, упала, вскочила и затрясла головой. Рыжая молния отскочила и превратилась в простого рыжего котенка.

- Ах, ты! - зарычала овчарка и гребанула для смелости задними лапами, да так, что земля отлетела на целых два метра.

- Пш-ш! – грозно зашипел Мурзик. - Мало тебе?! Только сунься, еще не то будет!

- Да я тебя сейчас... - овчарка кинулась вперед. Мурзик опять вцепился в собачью морду и заорал победно:

- Мряу-у-у! Сдаешься?

Подбежали мальчишки. Подбежал, тяжело дыша, хозяин собаки.

- Чей кот?! - закричал он. - Уберите кота. Он же ей все глаза выцарапает.

- Не гуляйте собаку без поводка, - закричали мальчишки.

- Ой, он ей точно глаза выцарапает, - всплеснули руками девчонки.

- Мурзик, Мурзик - отпусти собаку, - просил котенка Денис.

Тот отпустил овчарку, но остался в боевой позе. Ах, как он был красив!

Овчарка, продолжая трясти головой и жалобно скуля, отбежала к хозяину.

- Бедная Альфа! - хозяин присел перед собакой, погладил морду и с ужасом глянул на ладонь. Она была в крови. - Ах, так! - Он решительно повернулся в сторону Мурзика и поднял руку с поводком. - Да я его сейчас...

Овчарка поняла жест хозяина как приказ и двинулась к котенку. Но тот прошипел очень серьезно:

- Пшш! Еще хочешь получить?!

- Нет. Нет-нет, это не я... это хозяин... - взвизгнула собака и отступила.

- Тогда пшшшла вон. Оба - пшшли! - всем своим видом сказал Мурзик.

И они пошли. Оба. Прочь!

Ребята окружила Мурзика, стали его гладить, хвалить, говорить, какой он смелый и бесстрашный, но котенка вдруг стала бить нервная дрожь, наверное, как у всех бесстрашных котят, и он запросился к хозяину за пазуху. А когда Денис запрятал его в куртку, Мурзик полез дальше, аж под мышку. Как все настоящие победители, он был скромн и не жаждал славы.

Денис кожей ощущал, как сильно билось сердце Мурзика. Нет, он не считал, что тот струсил. Чего сейчас трусить?! Поэтому, когда ребята попросили, чтобы он еще раз показал котенка, Денис ответил:

- Мурзик готовится к следующему бою. Вон с той собакой, - и указал на огромного кавказца.

- О-о-о! - завизжали ребята и стали обсуждать предстоящий бой, а Денис, воспользовавшись тем, что про них с Мурзиком забыли, пошел домой, прижимая к груди своего рыжего бесстрашного друга. Он сам после этой схватки стал смелее. Чутьочку, но смелее. И может быть, эта чутьочка как раз и будет в нужный момент решающей.

ЗАБЛУДИЛСЯ КОТЕНОК

Заблудился котенок - маленький, серенький, лохматый. Он оказался в местности совершенно незнакомой и пахнет плохо - непонятно чем. А сверху жуткий грохот, страшный вой и громкий свист.

Котенок сунулся вперед - голая стена, вправо - голая стена, влево - голая стена, развернулся назад - голая стена ... И ни мамы, и - никого... Котенок задрожал от страха, сел и горько заплакал:

- Мяу! Мяу! Мяу!

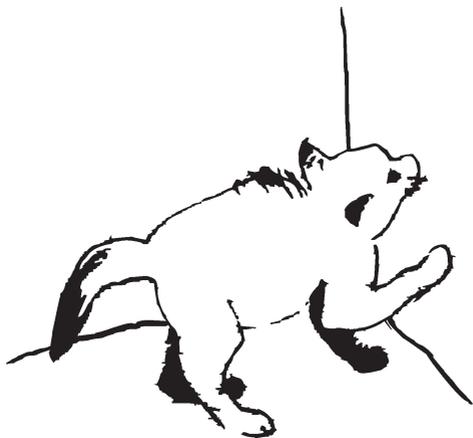
А сверху орало, гудело, гремело...

У котенка расползались лапки на голом, скользком полу.

- Мяу! Мяу! Мяу!

Но страшное не унималось - грозило, орало, гремело!

- Мяу! Мяу! Мя-яу! Ну, мя-у-у-у!

И вдруг, перекрывая весь этот жуткий шум, раздался громовой голос:

- Тихо! Выключите музыку! Котенок где-то пищит.

И сразу стихло все. И тихо стало: аж еще страшнее. И снова голос, но уже не такой громкий и как бы совсем не страшный, даже ласковый:

- Да вот же он! В коробке от нового музыкального центра!

И несколько голосов сразу:

- Вот же он! Вот он! Кис-кис-кис!

И ласковые руки, и ласковый голос:

- Вот он, маленький? Испугался, дурашка?

Ага! Вам бы так! Вас бы на мое место...

ЛАСТОЧКИ

Я шел по двору и вдруг услышал над головой частое щебетание ласточек. Это мои старые знакомые. В углу сарая, под стропилами, ютится их домик, вылепленный из серой глины, смешанной с сухими травинками. Я знаю, что там находится два уже довольно больших птенца. Сейчас чем-то встревоженные ласточки с криком залетали в распахнутую дверь сарая и тотчас вылетали обратно.

Уж не кот ли Васька там разбойничает? За порогом на меня пахнуло прохладой, запахом сена и коровьего стойла. Когда глаза привыкли к полутьме, я внимательно огляделся. Васьки не было. Только два уже оперившихся птенца уставились на меня из гнезда.

Что же встревожило птиц? Я решил понаблюдать и затаился. Ждать пришлось недолго. В сарай стремительно влетела ласточка и, цепко ухватившись коготками за край гнезда, защебетала:

- Чик-чики-чики-чик!

Птенцы дружно вытянули шейки и тоже закричали:

- Чик-чики-чики-чик!

Ласточка еще чаще и громче защебетала и несколько раз облетела сарай, словно приглашая птенцов следовать за собой, но птенцы то ли трусили, то ли не понимали ее. Они так и не тронулись с места. Первая ласточка вылетела на улицу, тут же к гнезду подлетела вторая и тоже защебетала:

- Чик-чики-чики-чик!

Птенцы зашевелились, но покидать гнездо явно не собирались. Так повторилось несколько раз. Наконец, поняв тщетность своих попыток, ласточки стали действовать по-

иному. Одна из них подсела к птенцам. Гнездо было маленькое, птенцы и те в нем помещались с трудом, поэтому, когда ласточка стала усаживаться между ними, они оказались по самым краям, еще немного — и выпадут на землю. Птенцы с жалобным писком упирались. Другая ласточка в это время летала около двери сарая и призывно чикала.

Вдруг один птенец соскользнул лапкой с края гнезда. Стараясь удержаться, отчаянно взмахнул крыльями. Еще мгновение, и он стал падать, но у самой земли суматошно замахал крыльями и медленно, неуклюже вылетел во двор на яркий солнечный свет. С трудом он уселся на проволоку, на которой мы обычно вешаем белье. Родители присели рядом с ним и весело защебетали, будто бы успокаивая и подбадривая. Потом они вновь стали теревить птенца, сталкивая его теперь уже с проволоки. Но птенец не хотел еще раз испытать страх падения и возмущенно пищал. Тогда одна из ласточек подлетела к нему сзади, снизу - удар, и птенец, растопырив крылья, вновь полетел к земле. Но на этот раз его растерянность была кратковременной, быстро-быстро замелькали крылья, унося птенца все выше и выше в небо.

У меня уже болела шея, а я смотрел и смотрел, задрав голову, в прозрачную голубизну, туда, где три ласточки мелькали еле заметными точками. Через некоторое время они, оживленно щебеча, уселись на проволоке отдыхать. Птенец то и дело радостно срывался с проволоки и садился на нее опять, очевидно закреплял достигнутое.

Я вернулся в сарай. Второй птенец истошно кричал и метался по гнезду. Увидев родителей в прямоугольнике открытой двери, птенец решительно поднялся в гнезде им навстречу, расправил крылья, но в последний миг испугался, сжался в комочек. А со двора неслось ликующее

щебетанье. Это первый птенец, вкусив прелесть полета, свободы и простора, звал в небо своего брата.

Взрослые ласточки сели к птенцу в гнездо, тесня его к краю, и тот, не дожидаясь, пока его столкнут, сам шагнул из гнезда. Ласточки одобрительно закричали, а птенец сначала неуверенно, затем смелее рванул стрельчатými крыльями воздух и вылетел на солнечный простор.

Теперь они сидели на проволоке вчетвером, распевая свое «чики-чики». И вдруг смолкли. Из дома важно вышел кот Васька. Он лениво потянулся, жмуря от солнышка глаза, и, словно не замечая ласточек, медленно побрел к сараю в его темную прохладу. Ласточки молчали. Но вот одна из них, сорвавшись с проволоки, ринулась на кота в атаку. Кот Васька присел и, как пружина, прынул вверх - мимо! Ласточки торжествующе защебетали.

Словно устыдившись их насмешек, кот Васька затрусил к сараю рысцой. А ласточки уже вдвоем насакивали на него, пикируя с высоты. Они мстили коту за каждодневный страх за жизнь птенцов, за его прожорливость, за то, что кошки испокон века были, есть и будут заклятые враги всех птиц...

С этого дня по утрам меня будил звонкий четырехголосый гимн восходящему солнцу.

Однажды, уже глубокой осенью, ласточки особенно долго и звонко пели, и я понял, что пришла пора расставания. В самом деле, на завтра ласточек я уже не увидел. Они улетели туда, где тепло, чтобы весной снова вернуться в родное гнездо, не пугаясь кота Васьки, не страшась расстояний и трудностей далекого пути, чтобы опять на нашей земле встречать гимном восход солнца.

КЛЫЧ-КЛУ-У!

Небо весеннее, синее-синее. Такое синее, такое нежное, что рукой погладить хочется. И в этой синеве два облачка белых, словно два парходика по синему морю. Солнышко веселое, радостное, выкатилось и осветило заросшее стрелчатым камышом озеро, круглое, как блюдо, с водой зеленоватой, ленивой. Тишина звонкая, утренняя. А в этой тишине вдруг, словно колокольчик далекий, еле слышный:

- Дзинь-дзинь! Клыч-клу-у!

Что это?

Искрится вода, небо синевой разливается, лес зеленеет. Тихо! А вот опять:

- Клыч-клу-у! Дзинь-дзинь!

Уже ближе. Ближе! Уже совсем рядом!

- Клыч-клу-у!

Вот!

Два белоснежных лебедя, словно два облачка с неба спустились, медленно летят над озером. Крылами широко машут. Низко летят.

- Клыч-клу-у! - звонко, радостно. - Клыч-клу-у!

Сделали лебеди круг над озером, сели на воду и поплыли рядышком, бок о бок. А в воде отражается, будто не два лебедя плывут - четыре. Плывут они, а с берега на них травка молодая тарашится, цветы-разноцветы глазуют, камыш шепчет восхищенно - завидует, солнышко играет зайчиками по их белым перьям, смеется весело...

Проплыли по озеру лебеди, все осмотрели и остались жить. Свили гнездо. Снесла лебедушка четыре одинаковых яичка и села парить их. А лебедь днем и ночью вокруг кружит - оберегает свою подругу от всяких напастей.

Утром только небо начнет зориться, развернет свои широкие крылья лебедь, взмахнет ими и закричит звонко-звонко:

- Клыч-клу-у!

Замолчит все на озере, слушает.

- Клыч-клу-у!

И солнышко послушно из-за горизонта выглянет, зальет озеро радостным светом, заиграет в капельках росы радугой, прогонит холодный туман. И оживет озеро - запоют птицы, закрикают утки, шваркнет важно селезень, гусак прогогочет скороговоркой, пискнет водяная курочка, одна только выпь молчит - кончилось ее время, прошла ночь.

Все хорошо было, да на несчастье выдалось знойное, засушливое лето. Отступила вода от берегов, обнажая скрытые дотоле кочки. Забеспокоился лебедь. Уж время птенцам выводиться, а воды меньше и меньше становится.

ся. Сжалось озеро под натиском жаркого солнца. Пожелтели раньше времени травы, камыш стал ломким, сухим, листья на деревьях обвисли, сыпятся... По выступившим из-под воды кочкам, по обнажившимся мелям враг может скрыто подобраться. Тревожится лебедь, не спит.

Ночь укрыла озеро темнотой грозной. Ничего не видно. Шорохи со всех сторон. Лебедь настороже, взъерошился, шею наперег - попробуй подойди!

Луна взошла, светло стало, ветер утих, угомонилося озеро. Успокоился и лебедь, дремлет. Тихо. Лишь изредка всплеснет в камышах щука да выпь угукает... Перед утром ветерок вновь дунул, зашелестел камышом ласково, усыпляет. Не слышно лебедю мягких шагов вороватой рыжей лисы. А она уже близко. Рядом! Проснись, лебедь! Проснись! Всполошился лебедь, подставил сильный клюв, да поздно. Перехватила рыжая ему горло. Рассчитывала на легкую победу, да не тут-то было. Уже полузадушенный, бьет лебедь врага жесткими крыльями, тащит в воду... Матерая попалась лиса - справилась. Задрожало в предсмертных судорогах тело лебеда, обвисли бессильно крылья, закапала в воду и растворилась невидимая в рассветных сумерках горячая кровь... Перехватила лиса поудобнее тяжелую ношу и поплелась к норе. Дорого досталась ей эта добыча.

И опять стихло растревоженное озеро. Только теперь уже лебедушка не спит, зорко всматривается вокруг, беспокоясь за будущих лебедей, готовая насмерть схватиться с врагом. А едва взошло солнце, проклюнулся первый лебеденок, закопошился в гнезде, разбрасывая ненужную теперь скорлупу. Потом второй, третий, четвертый...

Назавтра подул ветер с запада, принес на своих крыльях сизые тучи. Опрокинул их на землю проливным дождем. Опять раздалось озеро. Заплескалось в прежних берегах. Раскинуло голубую прохладу во все стороны. Скрылись под во-

дой подсохшие кочки. Зазеленел пожелтевший было камыш. Привольно стало водоплавающей птице, безопасней.

Утром рано-рано, только восток заалеет, выплывет лебедушка на середину озера, взмахнет широкими крылами и закричит звонко, протяжно:

- Клыч-клу-у! Клыч-клу-у!

Но не откликнется милый дружок, не поспешит на встречу. Лишь закрякают утки, загогочут гуси, ухнет напоследок выпь, извещая о начале нового радостного дня, и оживет озеро...

Выведет лебедушка лебедят на мелководье, где уже кишмя кишат писклявые утята с суетливыми мамашами-утками, длинношеие гусята с сердитыми родителями, и начинает кормиться. Учат она своих детенышей разным житейским хитростям - как добыть в воде вкусных рачков-жучков, какую травку можно щипать, какую нельзя... А старый гусак нет-нет да объявит учебную тревогу:

- Га-а!- крикнет он, и вся мелюзга - и утята, и гусята, и лебедята бросятся со всех ног в камыши. Затихнут там, затаятся. Ждут, когда старый гусак прокричит отбой:

- Го-го-го!

Запищит обрадованно мелюзга, высыплет из камышей, и опять начнется возня. Только старый гусак да лебедушка не принимают участия в общем веселье. Вон, в небе маленькая черная точка высоко-высоко, но в любой момент она может разрастись в злого коршуна. Камнем падет он на зазевавшегося птенца, и тогда не жди пощады. Со стороны берега лиса подстерегает. Лежит за кустом, словно полено недвижимое, водой до желтизны вымытое. Лежит час, другой... Но стоит гусенку приблизиться к манящему зеленой травкой бережку - метнется лиса молнией, прыгнет далеко в воду, схватит острыми зубами доверчивого птенца и поминай как звали. Человек вон идет

прибрежными кустами. Он не опасен. Он - друг. Но почему идет крадучись?

- Га-а! - вскрикнул, опомнившись, старый гусак.

Кинулись лебедята к лебедушке. Запрыгала она их под широкие крылья и поплыла изо всех сил к спасительным камышам. Но раскатился гром над озером. Пыхнули дымком кусты. Уронила лебедушка гордую голову в голубую, прохладную воду, захлопала крыльями. Упали белоснежные перья, и понесла их волна вслед испуганным лебедятам. Пищат они жалобно, путаются в траве, на мать оглядываются, а она лежит недвижимым белым комом, взъерошенная, мертвая. Подплыл к ней человек на лодке. Схватил безжизненное тело. Затолкал в мешок, заторопился к берегу, заплескал веслами...

- Го-го-го! - прокричал отбой тревоги старый гусак.

Высыпали утята и гусята из камышей. Закрякали утки, подзывая своих детенышей. Но не слышно крика лебедушки, не зовет она лебедят, не согреет в холодные ночи, не укроет от злого коршуна, не оборвет сильным клювом траву, петлей стянутую на шее...

Пищат осиротелые лебедята. День пройдет, второй, третий... И не станет лебедят. Малые они еще, не выживут...

Придет снова весна. Снова прилетят на озеро утки. Тяжело плюхнутся на воду гуси. Забегают по прошлогоднему подтопленному камышу водяные курочки. Загукает выпь. Забьет тревогу старый гусак, завидя в небесной сини злого коршуна... Все будет как прежде, как каждую весну, как каждый год. Лишь никогда не будет здесь белоснежных лебедей. Не разбудят утро они хрустальным криком своим. Не взмахнут широкими крылами, не выгнут красивую шею, не посмотрятся в зеркало воды... Не услышите вы больше:

- Клыч-клу-у! Клыч-клу-у! Клыч-клу-у!

МАМА ВАСЯ

Однажды, будучи по делам в Москве, я, через своего знакомого, совершенно случайно приобрел месячного щенка - дочь чемпиона Советского Союза по лосю, медведю, кабану среди западносибирских лаек - Боню. В самолете я не выпускал ее из рук, все еще не веря в удачу. Боня мирно спала, посапывая крохотным носом, и не доставляла абсолютно никаких хлопот.

Но зато дома, стоило только опустить щенка на пол, как раздался такой жалобный плач, что я поспешил снова взять его на руки. Мы срочно приготовили уютное местечко в картонном ящике, постелили мягких тряпок, и я вновь попытался сбить щенка с рук, но не тут-то было -

опять плач. «Ничего, - решил я. - Поплачет-поплачет и перестанет». Но прошло пять минут, десять... Да к тому же Боня имела такой тонкий и пронзительный голос, что сердце мое разрывалось на части.

Дело к вечеру, а Боня не унимается. Понять ее плач можно, ведь она потеряла мать, братьев и сестер, а теперь тепло хозяйских рук. И я не выдержал, подошел, поднял ее, прижал к себе. И сразу, словно кто-то выключил звук, - тишина. Кладу на место - рев! Я внимательно осмотрел щенка, все в порядке. В чем же дело? Неужели придется держать его на руках всю ночь или класть с собой в постель?

«Нет, нужно приучить», - твердо решаю и кладу свое сокровище в очень уютное, с моей точки зрения, приготовленное специально для щенка место. Но наши вкусы оказались разными - опять плач, вой, писк – весь арсенал сразу.

Мои домочадцы улеглись спать, а я, усталый с дороги, рассерженный, носил Боню на руках из комнаты в комнату и укачивал, как маленького ребенка.

Проходя через зал, я увидел на обычном месте, в кресле, нашего кота Васю. Он свернулся во внушительный, с женскую шапку, пушистый ком и спал. Это его постоянное состояние. По-моему, если он и просыпался раз в сутки, так только для того, чтобы перевернуться на другой бок. Был он серый, большой и лохматый. И меня вдруг осенило – ну-ка, пусть этот лежебока поработает. Я растянул его в кресло во весь рост, он даже не открыл глаз. Положил ему под бок Боню. Никакой реакции. И только когда та стала настойчиво что-то искать на его животе, Вася открыл один глаз и, наверное, хотел встать - лапы и хвост его дернулись. Но то ли сон ему сладкий снился, то ли от лени он совсем потерял способность двигаться, только глаз закрылся, и Вася продолжал спать. Боня, уткнувшись ему в живот носом, тоже заснула. Она, очевидно, посчитала, что спит со своей мамой.

Я на цыпочках прокрался в свою комнату и юркнул под одеяло. Поспать бы с полчасика, а еще лучше часик, пока эта плакса не поднимет своим ревом.

Проснулся я только утром. Вспомнил про щенка. Вскочил и заглянул в зал. Боня сидела верхом на Васе и усердно сосала у него ухо. Тот хмурил лоб, дергал хвостом, но глаз не открывал, притворялся спящим.

Так Боня спала с котом Васей, ела с ним из одной чашки целый месяц, пока не пришла пора ей перебираться во двор, в вольер.

В апреле мне подарили еще одного щенка - курцхаара Юту. Опять плач о потерянных родственниках, опять угроза бессонной ночи. Но я уже имел опыт и, мысленно извиняясь перед Васей, быстренько подсунул щенка к нему. Вася не то чтобы был доволен, но стерпел. А утром знакомая картина - Вася в кресле, на нем Юта сосет ухо. Но зубы у Юты поострее, потому-то Вася и дергается всем телом и изредка протестующе открывает рот.

И опять целый месяц Юта и мама Вася, так мы теперь звали нашего кота, спали вместе, ели из одной чашки, пока не пришла пора Юте перебираться в вольер к Боне.

С неделю мама Вася отсыпался, потом, почувствовав одиночество, стал проситься во двор. Он, конечно же, слышал веселый лай и возню своих «дочерей».

Боня заметно подросла и уже походила на взрослую собаку, да и Юта была больше кота раза в два. Увидав маму Васю, они подняли такой радостный лай, так стремительно прыгнули навстречу, пылая родственными чувствами, что я поопасался пустить к ним кота. Мама Вася тоже раздумывал, сидя у меня на плече и щурия глаза. Зато Боня и Юта неистовствовали в своей радости.

Подождав, когда они немного успокоятся, я все же пустил маму Васю в вольер. «Дочери» кинулись к нему и сначала облизали его от ушей до кончика хвоста, потом от избытка чувств Боня схватила маму Васю за голову, Юта за хвост и потащили каждая к себе в конуру, в разные стороны. Мама Вася недолго крепился и заорал благим матом. Мне пришлось срочно спасти его от проявлений дочерней любви.

Немного отдышавшись, мама Вася взобрался на столб вольера и стал приводить себя в порядок, изредка бросая сердитые взгляды на своих «дочерей» и выговаривая:

- Кто вас только воспитал такими... Найти бы вашу маму да обсосать ей уши...

Немного пообсохнув и выговорив все, что думает о современной молодежи, мама Вася с достоинством удалился в кресло. А Боня и Юта долго крутились у забора вольера в надежде еще хоть раз выразить свою любовь маме Васе.

СОДЕРЖАНИЕ

Мой друг Сенька	3
Бесстрашный Мурзик	55
Заблудился котенок	63
Ласточки	65
Клыч-клу-у	68
Мама Вася	73

Владимир Борисович Свинцов

Мой друг Сенька

Рассказы

Художник
В. Максименко

Верстка
А. Карпов

Корректор
Е. Семьянова

Бумага офсетная, печать офсетная.
Сдано в набор 15.12.2007 г.
Подписано в печать 23.01.2008 г.
Формат 62x90¹/₁₆. Гарнитура Thames.
Усл. печ. л 5,15.
Тираж 1000 экз. Заказ № 370.

ОАО “Алтайский Дом печати”,
656049, Алтайский край, г. Барнаул,
ул. Б. Олонская, 28